

ПУТЕШЕСТВИЕ

ВЪ

АРЗРУМЪ

во время похода 1829 года

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ПУШКИНА

ИЗДАТЬ С. ЛИФАРЬ

ПАРИЖЪ

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ АРЗРУМЪ

ПУШКИНЪ

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ АРЗРУМЪ

во время похода 1829 года

Подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. М. Л. Гофмана
и со вступительной статьей Сергѣя Лифаря.

Второе изданіе

ИЗДАНИЕ С. ЛИФАРЯ
1935

Я радуюсь тому, что мнѣ удастся издать «Путешествіе въ Арзрумъ» Пушкина съ воспроизведеніемъ новаго, до сихъ поръ совершенно неизвѣстнаго автографа: какой-то счастливый случай помогъ мнѣ найти и приобрести здѣсь, въ Парижѣ, у французскаго антиквара-букиниста, тетрадку, писанную сплошь рукою Пушкина и содержащую «Предисловіе» къ «Путешествію въ Арзрумъ», представленное Пушкинымъ въ цензуру. Первые двѣ съ половиною страницы рукописи перечеркнуты, какъ кажется съ перваго взгляда по черниламъ, цензоромъ, и Пушкинъ ихъ не печаталъ; но содержаніе ихъ таково, что вмѣшательство цензора можно объяснить только съ очень большою натяжкой, и я охотнѣе допускаю мысль, что перечеркнулъ ихъ самъ Пушкинъ передъ печатаніемъ «Путешествія», какъ строки слишкомъ личныя и ослабляющія главную причину, заставившую поэта опубликовать свои путевыя записки (замѣчу кстати, что и подпись подъ Предисловіемъ «А. Пушкинъ» сдѣлана тѣми же чернилами — болѣе темными, чѣмъ весь текстъ).

Я не хотѣлъ ограничиваться опубликованіемъ только вновь найденнаго автографа Пушкина, а рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы напомнить русскому читателю весь текстъ «Путешествія въ Арзрумъ», и сдѣлалъ это по разнымъ соображеніямъ. Во всѣхъ полныхъ собраніяхъ сочиненій, начиная съ перваго посмертнаго, гдѣ оно появилось въ отдѣлѣ «Смѣси», «Путешествіе въ Арзрумъ» занимает такое невидное мѣсто, такъ затеривается среди рѣдко читаемаго матеріала, что оно мало знакомо широкой публикѣ и недостаточно изучено и использовано учеными специалистами-пушкиновѣдами. Между тѣмъ, «Путешествіе» великаго Пушкина заслуживаетъ гораздо большаго вниманія и само по себѣ, и по тому значенію, какое оно должно имѣть для изученія біографіи и для рѣшенія мучительно труднаго, но и мучительно интереснаго вопроса о соотношеніи жизни и творчества. Написанное гениальной, предѣльно совершенной, ясной, легкой, прозрачной, сосредоточенно-сжатой и выразительной прозой, «классическою прозою», «Путешествіе въ Арзрумъ» такъ богато художественнымъ элементомъ, такъ

прекрасно, что занимает мѣсто между путевыми записками и художественно-творческими произведениями и имѣетъ всю документальную цѣнность первыхъ и магическую силу вторыхъ.

Вторичное путешествіе на Кавказъ (и въ Закавказье) — любопытная и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ важная страница въ жизни Пушкина. Геніальный поэтъ первый разъ на Кавказѣ былъ въ 1820 году, тогда, когда только еще приступалъ къ жизни, когда ему

казались нужны

Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеаль,
И безымянныя страданья.

Но тогда, въ 1820 году, Пушкинъ былъ собственно не на Кавказѣ, а въ его преддверьи и «съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ только въ отдаленіи ледяныя главы Эльбруса». Это преддверіе Кавказа съ «Бешту остроконечнымъ», «зеленѣющимъ Машукомъ» и скорѣе угадываемыми, чѣмъ видимыми снѣжными горами — изображено было Пушкинымъ въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ», о которомъ поэтъ писалъ: «Сцена моей поэмы должна бы находится на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущельяхъ Кавказа — я поставилъ моего Героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца — гдѣ возвышаются въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга 4 горы, отрасль послѣдняя Кавказа». Но, подобно плѣннику,

Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

Въ 1829 году Пушкинъ вступилъ въ самое сердце Кавказа, въ его «святылице» (образъ, повторяющійся и въ «Путешествіи въ Арзрумъ», и въ черновикахъ путешествія Онѣгина), и это вторичное путешествіе на Кавказъ обогатило его новыми впечатлѣніями, отразившимися разнообразно въ его творчествѣ, особенно полно въ «Гасубѣ».

Въ жизни Пушкина его путешествіе на Кавказъ и въ Закавказье сыграло особенно большую роль въ томъ отношеніи, что дало ему необходимыя въ

1829 году (и для труднаго 1830 года) моральныя силы и бодрость, которыя онъ началъ было терять.

Пушкинъ взявъ подорожную въ Тифлисъ въ мартѣ 1829 года и тогда же выѣхалъ изъ Петербурга, но почти на два мѣсяца застрялъ въ Москвѣ, въ «гончаровскомъ» плѣну. Только 1 мая онъ выѣхалъ изъ Москвы на Кавказъ черезъ Калугу, Бѣлевъ, Орель, Новочеркасскъ и Ставрополь: невольная тоска гнала его изъ Москвы, гдѣ жила недоступная для него холодная красавица; но образъ гордой, мучительной дѣвы сопровождалъ его и въ путешествіи, и въ далекой Грузіи онъ написалъ одно изъ самыхъ гениальнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ своихъ стихотвореній, въ которомъ поэзія становится чистой музыкальной мелодіей, оставаясь поэзіей:

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла;
Шумить Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мутитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ — отъ того,
Что не любить оно не можетъ...

Побывавъ въ Пятигорскѣ, дорогомъ для него по воспоминаніямъ 1820 года, и въ Екатеринодарѣ, откуда онъ отправился во Владикавказъ по военно-грузинской дорогѣ, Пушкинъ выѣхалъ 23 мая изъ Владикавказа и — какъ онъ пишетъ въ «Путешествіи въ Арзрумъ», — «Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающийся по разнымъ направленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ Осетинскихъ мѣльницъ, похожихъ на собачьи кануры. Чѣмъ далѣе мы углублялись въ горы, тѣмъ уже становилось ущеліе. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущеліе извиается вдоль его теченія. Каменные подошвы горъ обточены его волнами. Я шель пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестію природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ Пушкинъ и Шернваль, смотря на Терекъ, вспоминали Иматру и отдавали преимущество рѣкѣ на Сѣверѣ гремящей. Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоявшаго зрѣлища».

27 мая поэтъ пріѣхалъ наконецъ въ Тифлисъ, подробное описаніе котораго мы имѣемъ въ «Путешествіи въ Арзрумъ» (особенно интересно описаніе тифлисскихъ бань и записъ грузинской пѣсни, о которой поэтъ говоритъ, что «въ ней есть какая-то восточная безсмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство»).

По пути въ Карсъ, около крѣпости Гергеры, Пушкинъ встрѣтился съ

печальной арбой, везшей тѣло «Грибоѣда» — А. С. Грибоѣдова, убитаго въ Тегеранѣ — и по этому поводу набрасываетъ прекрасный, гениальный портретъ Грибоѣдова.

Получивъ разрѣшеніе на пріѣздъ въ армію отъ своего друга Н. Н. Раевского, усталый, продѣлавъ въ день верхомъ 75 верстъ подъ проливнымъ дождемъ, Пушкинъ добрался до Гумровъ, повалился на бурку среди казаковъ и заснулъ какъ убитый; на зарѣ казаки разбудили его. — «Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, двуглавая гора. Что за гора? спросилъ я потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: это Араратъ. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни — и врана и голубицу излетающихъ, символа казни и примиренія.

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росой и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. Вотъ и Арпачай! сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимую мечтой. Долго вель я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на Турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще находился въ Россіи».

Любимая мечта Пушкина побывать за-границей не осуществилась и на этотъ разъ, какъ не осуществлялась она всю жизнь.

По пріѣздѣ въ Карсъ 12 іюня, Пушкинъ узналъ, что наши войска наканунѣ выступили изъ него и что нашъ лагерь находится въ 25 верстахъ отъ Карса на берегу Карсъ-чая: на другой день онъ тамъ былъ въ палаткѣ своего давняго друга, Н. Н. Раевского. Началась военная жизнь Пушкина. Въ «Путешествіи въ Арзрумъ» Пушкинъ писалъ, что лагерная жизнь ему очень нравилась, и подробно описывалъ, какъ онъ сопровождалъ нашу армію въ ея походѣ въ Арзрумъ, но ничего не говорилъ о томъ, что онъ самъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Но мы имѣемъ множество свидѣтельствъ о томъ, что великій поэтъ принималъ непосредственное участіе въ войнѣ (несмотря на то, что графъ Паскевичъ-Эриванскій и Н. Н. Раевскій, оберегая жизнь Пушкина, всячески хотѣли этому препятствовать): свидѣтельства очевидцевъ, въ частности рассказъ М. И. Пушина, «Исторію» Ушакова, рисунокъ Пушкина въ альбомѣ Елиз. Ник. Ушаковой, въ которомъ поэтъ ярко изобразилъ себя верхомъ на конѣ, въ буркѣ и съ пикой, устремляющимся

на турокъ, и особенно его слова въ письмѣ къ «намылившему» ему голову за самовольную поѣздку въ Арзрумъ графу А. Х. Бенкендорфу: «Arrivé au Caucase, je ne pus résister au desir de voir mon frère, qui sert dans le regiment des dragons de Nijni-Novgorod, et dont j'étois séparé depuis 5 ans. Je crus avoir le droit d'aller à Tiflis. Arrivé là je ne trouvois plus l'armée. J'écrivis à H. Paevskoy, un ami d'enfance, afin qu'il obtint pour moi la permission de venir au camp. J'y arrivois le jour du passage du Sagan-lou. Une fois là, il me parut embarrassant d'éviter de prendre part aux affaires qui devoient avoir lieu et c'est ainsi que j'assistois à la campagne moitié soldat, moitié voyageur.

Je sens combien ma position a été fausse et ma conduite étourdie; mais au moins n'y a-t-il que de l'étourderie...»

Вмѣстѣ съ русскими войсками, преслѣдовавшими бѣжавшихъ турокъ, Пушкинъ вступилъ 27 іюня въ Арзрумъ, гдѣ и оставался до 21 іюля, живя въ Сераскировомъ дворцѣ (описанію Арзрума посвящена пятая глава «Путешествія»). Открывшаяся въ Арзрумѣ чума заставила поэта поторопиться съ отъѣздомъ, и онъ «оставилъ возвышенныя равнины холодной Арменіи для знойной Грузіи», а затѣмъ и столицу Грузіи — Тифлисъ — для кавказскихъ минеральныхъ водъ, гдѣ усиленно «занимался дѣломъ» («Какъ въ ненастные дни занимались они дѣломъ: гнули — Богъ ихъ прости! — отъ пятидесяти на сто»).

Бодрымъ и освѣженнымъ возвращался Пушкинъ въ Москву осенью 1829 года, и эта бодрость больше всего выражается въ его добродушныхъ «дорожныхъ жалобахъ»:

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ?

Но особенно сказалась Пушкинская бодрость — результатъ путешествія — и его чудесное добродушіе въ его рисункахъ въ альбомѣ Елиз. Ник. Ушаковой. По возвращеніи съ Кавказа Пушкинъ почти каждый день бывалъ у своихъ московскихъ друзей Ушаковыхъ (одно время онъ считался женихомъ старшей Ушаковой — Екатерины) и заполнял альбомъ своими полными юмора рисунками, большею частью относящимися къ его путешествію. Здѣсь и автопортретъ воинственнаго Пушкина съ пикой въ рукѣ, и казака съ такою же пикой на полу-игрушечной лошади, и «Арзрумъ взятый помощью Божіей и молитвами Екатерины Николаовны» (эти три рисунка воспроизведены ниже и къ нимъ прибавлены еще три — два болѣе раннихъ — изъ рукописи «Кавказскаго Плѣнника» и одинъ, набросанный Пушкинымъ 25 мая

1829 года на Кавказъ, въ Коби)... Впрочемъ, въ альбомѣ много и другихъ рисунковъ Пушкина. Последнее время рисунки Пушкина привлекаютъ къ себѣ большое вниманіе, и начинается ихъ изслѣдованіе, котораго они въ полной мѣрѣ заслуживаютъ. Пушкинъ былъ прекраснымъ рисовальщикомъ: нѣсколькими скупыми, скелетными линіями схватывалъ онъ самое существо изображаемаго предмета и его движеніе. Рисунки Пушкина вполнѣ гармонируютъ съ его поэтическимъ творчествомъ и имѣютъ тѣ же самыя характерныя черты — строгую отчетливость, совершеннѣйшую, гениальную точность и ту предѣльную сжатость, которая не допускаетъ ничего лишняго — ни одной лишней линіи, ни одного лишняго слова... Многие поэты пушкинской эпохи были, подобно Пушкину, хорошими рисовальщиками — не потому ли и поэзія пушкинской эпохи отличается такой конкретностью, такой осязаемой видимостью?..

Изъ Москвы Пушкинъ отправился въ Петербургъ, но сдѣлалъ крюкъ въ Тверскую губернію, и въ Малинникахъ, бодро работая, нашелъ новые звуки —

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?..

И рядомъ съ этимъ, такимъ простымъ, медленнымъ стихомъ, въ которомъ не поэзія нисходитъ до прозы, а проза становится чистѣйшей поэзіей-музыкой, тремя днями раньше, Пушкинъ пишетъ дробящіеся и стремительные даже въ своихъ остановкахъ кавказскіе стихи:

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщеть боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Въ декабрѣ 1829 года Пушкинъ пріѣхалъ обратно въ Петербургъ, и скоро петербургская тоска снова овладѣла имъ. Такъ живо было въ душѣ его освѣжающее и бодрящее чувство, вынесенное имъ изъ путешествія на Кавказъ, что онъ снова мечтаетъ о путешествіяхъ, какъ объ испытанномъ средствѣ избавиться отъ тоски, пишетъ графу А. Х. Бенкендорфу просьбу о разрѣшеніи ему поѣздки во Францію или въ Италію, или, если таковое разрѣшеніе не будетъ ему дано, посѣтить Китай съ отправляющейся туда миссіей, и... получаетъ всемилостивѣйшій отказъ.

«Путешествіе въ Арзрумъ»; очень интересное и цѣнное въ разныхъ отношеніяхъ, особенно, исключительно интересно въ одномъ — въ томъ, что оно пріоткрываетъ для умѣющаго читать тайники творчества Пушкина.

Въ первой же главѣ «Путешествія» мы находимъ рассказъ о посѣщеніи Пушкинымъ калмыцкой кибитки, о томъ, какъ степная Цирцея угостила его чаемъ съ бараньимъ жиромъ и солью — «я не хотѣлъ отказаться и хлебнуть, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже... Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ степной Цирцеи». Такова Wahrheit, и эта совсѣмъ ничтожная Wahrheit рождаетъ такую поэтическую Dichtung:

...Ровно полчаса,
Пока коней мы запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же:
Забиться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

Этотъ примѣръ несоотвѣтствія между поэтическимъ вымысломъ и вызваннымъ его фактическимъ событіемъ долженъ былъ бы послужить грознымъ предостереженіемъ ученымъ пушкинистамъ, въ каждой строчкѣ Пушкина видящимъ его автобіографическую исповѣдь!

Въ «Путешествіи» Пушкинъ записалъ многія свои впечатлѣнія, — но почему одни изъ нихъ вызвали къ жизни поэтическія созданія, а другія, не менѣе сильныя, остались въ душѣ Пушкина и не нашли выраженія въ творческомъ порывѣ, — кто проникнетъ въ эту тайну Поэта? Почему образъ стѣсненнаго Терека съ ущеліями повторяется и въ «Путешествіи въ Арзрумъ», и въ путешествіи Онѣгина, и въ кавказскихъ стихотвореніяхъ, а Даріальское ущеліе никакъ не отразилось въ творчествѣ Пушкина, хотя описаніе его въ «Путешествіи» богато образами и красками: «Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишеть одинъ путешественникъ, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсноту. Клочекъ неба, какъ лента, синѣетъ надъ вашею головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембранда. Къ тому же, и ущеліе освѣщено совершенно въ его вкусѣ».

Изученіе «Путешествія въ Арзрумъ» даетъ много для анализа кавказскихъ стихотвореній Пушкина, путешествія Онѣгина и «Гасуба» — одни и тѣ же образы, внушенные кавказскими впечатлѣніями, повторяются и здѣсь и тамъ. Пушкинъ, рассказывая о своемъ обратномъ пути изъ Арзрума, пишеть: «Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванные тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками». Въ стихотвореніи «Монастырь на Казбекѣ» мы находимъ тѣ же

образы, пронизанные насквозь такой элевацией, равной которой мало образцовъ въ мировой поэзіи:

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣюшій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный надъ горами.

Далекій, вождельный брегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!.

Изъ множества подобныхъ примѣровъ я ограничусь еще только однимъ, который, мнѣ кажется, особенно интереснымъ тѣмъ, что говоритъ о томъ, какъ творческая интуиція синтезируетъ (творчество = синтезъ!) различныя впечатлѣнія.

Разсказавъ о крѣпости Минаретѣ, Пушкинъ продолжаетъ: «Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползли чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различили и пастуха, быть можетъ Русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ». Гораздо позже, послѣ перевала черезъ Крестовую гору, Пушкинъ пишетъ: «Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемая веселой Арагвою, смѣнили мрачныя ущелія и грозный Терекъ». Творческое воображеніе Пушкина такъ соединило и чудесно претворило эти разныя впечатлѣнія:

А тамъ ужъ и люди гнѣзятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ...

Да и все это стихотвореніе — «Кавказъ» — кажется мнѣ творческимъ синтезомъ кавказскихъ впечатлѣній Пушкина, и я лучше не могу окончить свое предисловіе къ «Путешествію въ Арзрумъ», какъ напомнивъ объ этомъ прекрасномъ стихотвореніи — чудесномъ, гениальномъ поэтическомъ фокусѣ преломленія его путешествія.

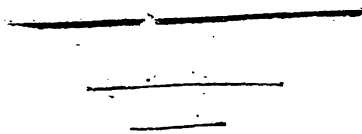
Сергѣй Лифарь.

Лист. № 1035

Купеческое

во Спирит

во Санкт-Петербурге 1829 года

а, Н, 4, 2, 4, 1

Господину директору,

в Московском университете
Историко-филологическому факультету
Секции славянских языков
Спб. 28 Сентября 1835

Генерал-майор

Предисловіе

~~Сей санскрит, будучи санскритом, не
может не быть восточным санскритом, который
не только для нас нечитаем, ежели не знаем
не только санскрита, но и санскрита.
Прочему санскритом санскритом ее, и санскритом
тоже восточным в восточном санскрите не
забудет, что санскритом санскритом санскритом
санскритом.~~

~~Въ 1829 году отправился я на
Кавказскую войну. Въ то время в восточном
санскрите санскритом санскритом, санскритом
санскритом санскритом санскритом санскритом
санскритом санскритом санскритом санскритом
санскритом санскритом санскритом санскритом
санскритом санскритом санскритом санскритом~~

Учен

Еще не знаю из чего же наше
Азия вытупила в кожу. Мелкие
восток войну и сторону мою ишт.
-стому, побуждено мне просит у
Е. С. Графа Кавбара - Дубинина по
своим притяж в Азии. Таким
образом восток и Буматинский
кожу убранили восток Ар-
-зия.

Азиатские как то от нас про-
восток. Во восточной Тасент побр-
шим мне то на мушку зато что
кто побр азиям носил мангучань
и отомворение не отомворение во
восток Азиями. Восток побр
восток же мне забрание о восток

ны мущинъ, какъ и о импобланктъ
рекурсамовъ, и не стаетъ опылъ беллетр.
Но обшечное кажутъ ие рачиавитро
иисъ нрпубомъ мочание.

Кыавис монанатъ иисъ то пуху ким
та манраманкатъ то капуштъ то про-
-иисовъ 1844 году надъ карбаниисъ
Voyages en Orient entrepris par ordre
du Gouvernement Francois. Атмосф
но евоимъ онубебатъ нотудъ 1829 года
окорубаитовъ евоу пасыпыиисъ еубдоу
-иисовъ еубаиисъ:

Un poëte distingué par son imagina-
tion a trouvé dans tout de hauts fait
dont il a été témoin, non le sujet
d'un poëme, mais celui d'une épi-
que.

copy

Мир надомно вѣстуетъ въ мурманскіе
нашѣ гуаго и мѣсто въ А. С. Кошк
колѣ и въ А. Н. Муромцевѣ. Вотъ на
логично въ описаніи Трафа Субара.
Крестомъ нарисованъ въ мурманскіе и
также предпослѣдствіи мурманскіе функ-
ционированіи; Логично описаніемъ свое
мурманскіе и вѣстуетъ мѣсто,
справочное мѣсто мѣсто вѣстуетъ
- мѣсто. Но и не мѣсто и не
составитъ и вѣстуетъ мѣсто.

Мурманскіе и мѣсто мѣсто
мѣсто мѣсто мѣсто мѣсто,
мѣсто мѣсто мѣсто мѣсто,
мѣсто мѣсто мѣсто мѣсто,
мѣсто мѣсто мѣсто мѣсто,
мѣсто мѣсто мѣсто мѣсто.

Кавказском театре. Parmi les chefs
qui la commandaient (l'armée du Prince
Paskewitch) on distinguait le général
Mouravief... le Prince géorgien Tshitse
vare... le Prince Arménien Reoubof
... le Prince Potemkine, le général
Raïevsky, & enfin — M. Pouchkine
qui avait quitté la capitale pour
chanter les exploits de ses compatriotes.

Примечание: эту импровизацию
сказано не мною, а кем-то из
наших друзей, там же
вспомогательные слова
Римский император. Никита Буков
-бург, бург камен с интер

ba

и кистной прищипов: воднополимер
не склеивает, оно само застывает под
пальцем. Приклеивать на войну в театр
нельзя, чтобы не мешало будущим
подвигам, было бы глупо мешать со-
бственной стороне и маленьким самолетам,
а в другой стороне и прищипкой.
И не мешать в войну в войну
судебной. Это не мешало. Мо-
жет быть и так, чтобы пережить себя,
Согласно-му, глупости коих Трагедия
Насквозь откровенно (Сражения от
Омань - Наму, поражение и в
крупнейшей части коих в те-
ние души утомил, Битвой по
ложь

ко Аппулу; все это, утратившее
 похвалы, утратившее, похвалу, утратившее
 во вратах восшествию своему, (каково
 на примере, Т. купеческий конуль
 Сроу манке, автор Путешествия на во
 море) и крестованье застойно по
 ситиции. Но в утративших бы
 шеств сатиры на пронавианаро
 поповоду, каково пришедшего ме
 не надв ств своего шатра и
 какоювшаго время поспуа своих
 великих заботы оканчивают сит
 летное внимание. Кисовство
~~необходимости~~, не ситиции нужды
 в ~~необходимости~~ и покровительстве
 ситиции, ~~необходимости~~ ~~необходимости~~ ~~необходимости~~

кто радушием и гостеприимством,
ибо много отъ мнѣ не могу и
требовать. И въ будущемъ въ неблагода-
тели казаться не стану и не
даю. Бывъ оставленъ въ воста-
-тисъ, какъ нѣтъ укрѣпленія крестика
или шестипушечнаго Грауб. Вотъ по
чему въ мнѣ и канонары въ
примененіи и взысканіи свои ну-
твѣтъ замѣки какъ все что мнѣ
было написано о похвѣ 1829 года

А Пушкинъ

Генералъ

Предисловіе.

Недавно попалась мнѣ въ руки книга, напечатанная въ Парижѣ въ прошломъ 1834 году подъ названіемъ: Voyage en Orient entrepris par ordre du Gouvernement François. Авторъ, по своему описывая походъ 1829 года, оканчиваетъ свои разсужденія слѣдующими словами:

Un poëte distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poëme, mais celui d'une satire.

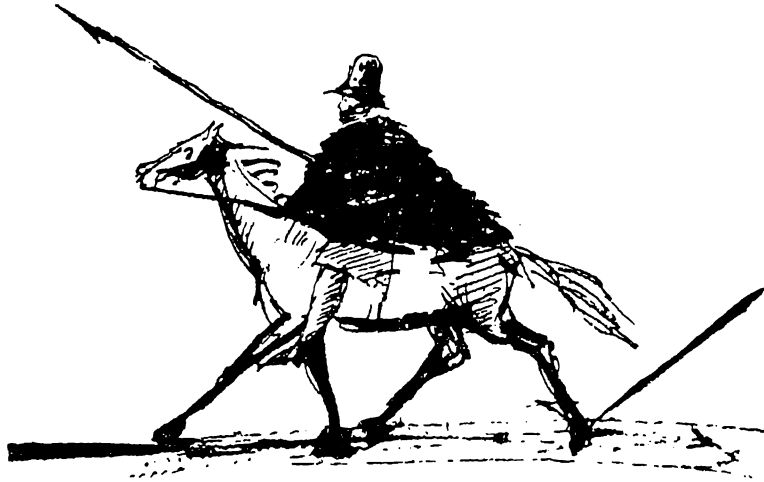
Изъ поэтовъ, бывшихъ въ Турецкомъ походѣ, зналъ я только объ А. С. Хомяковѣ и объ А. Н. Муравьевѣ. Оба находились въ арміи графа Дибича. Первый написалъ въ то время нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, второй обдумывалъ свое «Путешествіе къ святымъ мѣстамъ», произведшее столь сильное впечатлѣніе. Но я не читалъ никакой сатиры на Арзрумскій походъ.

Никакъ бы я не могъ подумать, что дѣло здѣсь идетъ обо мнѣ, еслибы въ той самой книгѣ не нашелъ я своего имени между именами генераловъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Parmi les chefs qui la commandoient (armée du Prince Paskéwitch) on distinguoit le Général Mouravief... le Prince Georgien Tsitsevaze... le Prince Arménien Béboutof... le Prince Potemkine, le Général Raiewsky, et enfin — M. Pouchkine... qui avoit quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes.

Признаюсь: эти строки французскаго путешественника, несмотря на лестные эпитеты, были мнѣ гораздо досаднѣе, нежели брань русскихъ журналовъ. И с к а т ь в д о х н о в е н і я всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само должно найти поэта. Приѣхать на войну съ тѣмъ, чтобъ воспѣвать будущіе подвиги, было бы для меня съ одной стороны слишкомъ самолюбиво, а съ другой слишкомъ непри-

стойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло. Можетъ быть, смѣлый переходъ черезъ Саганъ-Лу, движеніе, коимъ Графъ Паскевичъ отрѣзалъ Сераскира отъ Османъ-Паши, пораженіе двухъ непріятельскихъ корпусовъ въ теченіе однихъ сутокъ, быстрый походъ къ Арзруму, все это, увѣнчанное полнымъ успѣхомъ, можетъ быть, и чрезвычайно достойно посмѣянія въ глазахъ военныхъ людей (каковы, напримѣръ, г. купеческій консуль Фонтанье, авторъ путешествія на Востокъ): но я устыдился бы писать сатиры на прославленнаго полководца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время посреди своихъ великихъ заботъ оказывать мнѣ лестное вниманіе. Человѣкъ, не имѣющій нужды въ покровительствѣ Сильныхъ, дорожить радушіемъ и гостепріимствомъ, ибо инаго отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненіе въ неблагодарности не должно быть оставлено безъ возраженія, какъ ничтожная критика или литературная брань. Вотъ почему рѣшился я напечатать это предисловіе и выдать свои путевыя записки, какъ в с е, что мною было написано о походѣ 1829 года.

А. П у ш к и н ъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Степи. Калмыцкая кибитка. Кавказскія воды. Военная Грузинская дорога. Владикавказъ. Осетинскія похороны. Терекъ. Даріальское ущеліе. Переѣздъ чрезъ снѣговья горы. Первый взглядъ на Грузію. Водопроводы. Хозревъ Мирза. Душетскій Городничій.

...Изъ Москвы поѣхалъ я на Калугу, Бѣлевъ и Орель, и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ, зато увидѣлъ *** (Ермолова).

...Мнѣ предстоялъ путь черезъ Курскъ и Харьковъ, но я своротилъ на прямую Тифлисскую дорогу, жертвуя хорошимъ объѣдомъ въ Курскомъ трактирѣ (что не бездѣлица въ нашихъ путешествіяхъ) и не любопытствуя посѣтить ***.

До Ельца дороги ужасны. Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи Одесской. Мнѣ случилось въ сутки проѣхать не болѣе пятидесяти верстъ. Наконецъ увидѣлъ я Воронежскія степи и свободно покатился по зеленой равнинѣ. Въ Новочеркасскѣ нашель я графа П(ушкина), ѣхавшаго также въ Тифлисъ, и мы согласились путешествовать вмѣстѣ.

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часъ отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности; показываются птицы, невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя, косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

На дняхъ посѣтилъ я Калмыцкую кибитку (клѣтчатый плетень, обтянутый бѣлымъ войлокомъ). Все семейство собиралось завтракать; котель варился посрединѣ, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая Калмычка, собою очень не дурная, шила, куря табакъ. Я сѣлъ подлѣ нея. Какъ тебя зовутъ? — ***. — Сколько тебѣ лѣтъ? — десять и восемь. — Что ты шьешь? — портка. — Кому? — себя. — Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказаться, и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросилъ чѣмъ-нибудь это заѣсть. Мнѣ дали кусочекъ сушеной кобылятины; я былъ и тому радъ. Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ степной цирцеи.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это снѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ, на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость...

Признаюсь: Кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усыялось миллионами звѣздъ. Я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь бывало сиживалъ со мною А. Р (аевскій), прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ...

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывший нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Съ Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе присоединяются къ ней: это называется о к а з і е й. Мы до-

жидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за нами заскрипѣлъ обозъ двухколесныхъ аробъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали Нагайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ свои трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ непрерывный скрипъ Нагайскихъ аробъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнуть бы въ старину не разбѣгаясь, съ заржавѣвшими пушками, не стрѣлявшими со временъ Графа Гудовича, съ обрушеннымъ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ курицъ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто естъ крѣпость Минареть. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинкѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная лѣсистая гора; за нею находилась крѣпость; кругомъ ея видны слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минареть свидѣтельствуесть о бытіи исчезнушаго селенія. Онъ стройно возвышается между горами камней, на берегу изсохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ Муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различили пастуха, быть можетъ Русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвашагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два, три надгробныхъ памятника стояло на краю дороги. Тамъ, по обычаю Черкесовъ,

похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, изсѣченные на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часть отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба м и р н ы х ъ Черкесовъ ненадежна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Здѣшняя сторона полна молвой о ихъ злодѣйствахъ. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили Крымскихъ Татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наслѣдственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство — простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово вправѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирнаго Черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что дѣлать съ такимъ народомъ? Должно однакожь надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго моря, отрѣзавъ Черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія. Черкесы очень недавно приняли Магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ К о р а н а, между коими отличался Мансуръ, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противу Русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ Христіанскихъ миссіонеровъ. Но тщетно въ замѣну слова живого выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъ-кая, предверія горъ. Онъ окруженъ Осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго сѣзжались со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смиренно. Мертвеца вынесли на буркѣ...

...like a warrior taking his rest

With his martial cloak around him;

положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ сихъ обрядовъ.

Осетинцы самое бѣдное племя изъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ; женщины ихъ прекрасны, и какъ слышно, очень благосклонны къ путешественникамъ. У воротъ крѣпости встрѣтилъ я жену и дочь заключеннаго Осетинца. Онѣ несли ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы; однакожь, при моемъ приближеніи обѣ потупили голову и закрылись своими изодранными ч а д р а м и. Въ крѣпости видѣлъ я Черкесскихъ аманатовъ, рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Они поминутно проказать, и бѣгаютъ изъ крѣпости. (Ихъ держать въ жалкомъ положеніи. Они ходятъ въ лохмотьяхъ, полунагіе и въ отвратительной нечистотѣ. На иныхъ видѣлъ я деревянные колодки. Вѣроятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалѣютъ о своемъ пребываніи во Владикавказѣ).

Пушка оставила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и казаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающийся по разнымъ направленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ Осетинскихъ мѣльницъ, похожихъ на собачьи кануры. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущеліе. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны черезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущеліе извиается вдоль его теченія. Каменные подошвы горъ обточены его волнами. Я шель пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестью природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ П(ушкинъ) и Ш(ернваль), смотря на Терекъ, вспоминали Иматру и отдавали преимущество р ѣ к ѣ , н а С ѣ в е р ѣ г р е м я щ е й. Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоявшаго зрѣлища.

Не доходя до Ларса, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между коими хлещетъ Терекъ съ яростію неизъяснимой. Вдругъ бѣжить ко мнѣ солдатъ, крича мнѣ издали: Н е о с т а н а в л и в а й т е с ь , В . Б . , у б ь ю т ь ! Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что Осетинскіе разбойники, безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунѣ нашего перехода, они напали такимъ образомъ на Генерала Бековича, проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы. На скалѣ видны развалины какого-то замка; онѣ облѣплены саклями мирныхъ Осетинцевъ, какъ будто гнѣздами ласточекъ.

Въ Ларсѣ остановились мы ночевать. Тутъ нашли мы путешественника-

Француза, который напугалъ насъ предстоящею дорогой. Онъ совѣтоваль намъ бросить экипажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ выпили мы въ первый разъ кахетинскаго вина изъ вонючаго б у р д ю к а, вспоминая пированія Иліады:

«И въ козіихъ мѣхахъ вино, отраду нашу!»

Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ К а в к а з с к а г о П л ѣ н н и к а и, признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Турецкіе плѣнники работали дорогу. Они жаловались на пищу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ Русскому черному хлѣбу. Это напоминало мнѣ слова моего пріятели Ш. по возвращеніи его изъ Парижа: «Худо, братъ, жить въ Парижѣ: ѣсть нечего; чернаго хлѣба не допросишься!»

Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Даріальскій постъ. Ущелье носитъ то же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишетъ одинъ путешественникъ, что не только видишь, но кажется чувствуешь тѣсноту. Клочокъ неба, какъ лента, синѣетъ надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембранда. Къ тому же и ущеліе освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены каменья. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь, какъ на мѣльницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ, какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ Даріала на крутой скалѣ видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то Царица Дарія, давшая имя свое ущелію: сказка. Даріаль на древнемъ Персидскомъ языкѣ значить ворота. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія врата, ошибочно называемыя Каспійскими, находились здѣсь. Ущеліе замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишетъ Плиній, течетъ рѣка Дириодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ etc. (см. Путешествіе Графа И. Потоцкаго, коего ученныя изысканія столь же занимательны, какъ и Испанскіе романы).

Изъ Даріала отправились мы къ Казбеку. Мы увидѣли Т р о и ц к і я в о р о т а (арка, образованная въ скалѣ взрывомъ пороха); подъ ними шла нѣкогда дорога, а нынѣ протекаетъ Терекъ, часто мѣняющій свое русло.

Не далеко отъ селенія Казбекъ, переѣхали мы черезъ Б ѣ ш е н у ю б а л к у, оврагъ, во время сильныхъ дождей превращающійся въ яростный потокъ. Въ это время онъ былъ совершенно сухъ, и громокъ однимъ своимъ именемъ.

Деревня Казбекъ находится у подошвы горы Казбекъ, и принадлежит князю Казбеку. Князь, мужчина лѣтъ сорока пяти, ростомъ выше преображенскаго флигельмана. Мы нашли его въ духанѣ (такъ называются Грузинскія харчевни, которыя гораздо бѣднѣе и нечище Русскихъ). Въ дверяхъ лежалъ пузастый бурдюкъ (воловій мѣхъ), растопыря свои четыре ноги. Великанъ тянулъ изъ него чихирь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчалъ я съ почтениемъ, подобаемымъ его званію и росту. Мы разстались большими пріятелями.

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Те-река и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плылъ мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть его снѣговую груды, по выраженію поэта, *п о д п и р а ю щ у ю н е б о с к л о н ѣ*.

Ждали Персидскаго Принца. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казбека попались намъ на встрѣчу нѣсколько колясокъ и затруднили узкую дорогу. Покамѣсть экипажи разъѣзжались, конвойный офицеръ объявилъ намъ, что онъ провожаетъ придворнаго Персидскаго поэта и, по моему желанію, представилъ меня Фазиль-Хану. Я, съ помощію переводчика, началъ было высокопарное восточное привѣтствіе; но какъ же мнѣ стало совѣстно, когда Фазиль-Ханъ отвѣчалъ на мою неумѣстную затѣйливость простою, умной учтивостью порядочнаго человѣка! «Онъ надѣялся увидѣть меня въ Петербургѣ; онъ жалѣлъ, что знакомство наше будетъ непродолжительно, и проч.». Со стыдомъ принужденъ я былъ оставить важно-шутливый тонъ и съѣхать на обыкновенныя Европейскія фразы. Вотъ урокъ нашей Русской насмѣшливости. Впередъ не стану судить о человѣкѣ по его бараньей *п о п а х ѣ**) и по крашенымъ ногтямъ...

Постъ Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрезъ которую предстоялъ намъ переходъ. Мы тутъ остановились ночевать и стали думать, какимъ бы образомъ совершить сей ужасный подвигъ: сѣсть ли, бросивъ экипажи, на казачьихъ лошадяхъ, или послать за Осетинскими волами? На всякій случай, я написалъ отъ имени всего нашего каравана официальную просьбу къ Г. Ч*** (Чиляеву), начальствующему въ здѣшней сторонѣ, и мы легли спать въ ожиданіи подвозъ.

На другой день, около 12-ти часовъ, услышали мы шумъ, крики, и увидѣли зрѣлище необыкновенное: осмнадцать паръ тощихъ, малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полунагихъ Осетинцевъ, насилу ташили легкую Вѣнскую коляску пріятеля моего О**. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои

*) Такъ называются Персидскія шапки.

сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую петербургскую коляску обротно въ Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ П(ушкинъ) не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ впрямь цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхать черезъ снѣговой хребетъ. Мы разстались, и я поѣхалъ съ полковникомъ Ог(аревымъ), осматривающимъ здѣшнія дороги.

Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ Іюня 1827 года. Такіе случаи бывають обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущеліе на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истошилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

Въ это время услышалъ я глухой рокотъ. «Это обвалъ», сказалъ мнѣ г. Ог(аревъ). Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груды снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь не рѣдки. Въ прошломъ году Русскій извозчикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ обрувался; страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телѣгу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу, и покатила въ пропасть съ своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ, старый памятникъ, обновленный Г. Ермоловымъ.

Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой-то иностранный Консулъ: онъ такъ былъ слабъ, что велѣлъ завязать себѣ глаза; его вели подъ руки, и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣна, благодарилъ Бога, и проч., что очень изумило проводниковъ.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гуть-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся, какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спускались въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и тепелъ. Я ночевалъ на берегу Арагвы, въ домѣ Г. Ч(иляева). На другой день я разстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселой Арагвою, смѣнили мрачныя ущелія и грозный Терекъ. Вмѣсто голыхъ утесовъ я видѣлъ около себя зеленыя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы

доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптическаго обмана: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ.

Въ Пайсанурѣ остановился я для перемѣны лошадей. Тутъ я встрѣтилъ Русскаго офицера, провожающаго Персидскаго Принца. Вскорѣ услышалъ я звукъ колокольчиковъ, и цѣлый рядъ катаровъ (муловъ), привязанныхъ одинъ къ другому и навьюченныхъ по-Азіатски, потянулся по дорогѣ. Я пошелъ пѣшкомъ, не дождавшись лошадей, и въ полверстѣ отъ Ананура, на поворотѣ дороги, встрѣтилъ Хозревъ-Мирзу. Экипажи его стояли. Самъ онъ выглянулъ изъ своей коляски и кивнулъ мнѣ головою. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ нашей встрѣчи, на Принца напали горцы. Услыша свистъ пуль, Хозревъ выскочилъ изъ своей коляски, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Русскіе, бывшіе при немъ, удивились его смѣлости. Дѣло въ томъ, что молодой Азіатецъ, непривыкшій къ коляскѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Я дошелъ до Ананура не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мнѣ сказали, что до города Душета осталось не болѣе, какъ десять верстъ, и я опять отправился пѣшкомъ. Но я не зналъ, что дорога шла въ гору. Эти десять верстъ стоили добрыхъ двадцати.

Наступилъ вечеръ; я шелъ впередъ, подымаясь все выше и выше. Съ дороги сбиться было невозможно; но мѣстами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мнѣ до колѣна. Я совершенно утомился. Темнота увеличивалась. Я слышалъ вой и лай собакъ и радовался, воображая, что городъ недалеко. Но ошибался: лаяли собаки Грузинскихъ пастуховъ, а были шакалы, звѣри въ той сторонѣ обыкновенные. Я проклиналъ свое нетерпѣніе, но дѣлать было нечего. Наконецъ увидѣлъ я огни и около полуночи очутился у домовъ, осѣненныхъ деревьями. Первый встрѣчный вызвался провести меня къ Городничему и потребовалъ за то съ меня а б а з ъ.

Появленіе мое у Городничаго, стараго офицера изъ Грузинъ, произвело большое дѣйствіе. Я требовалъ во-первыхъ комнаты, гдѣ бы могъ раздѣться, во-вторыхъ стакана вина, въ-третьихъ абазы для моего провожатаго. Городничій не зналъ, какъ меня принять, и посматривалъ на меня съ недоумѣніемъ. Видя, что онъ не торопится исполнить мои просьбы, я сталъ передъ нимъ раздѣваться, прося извиненіе de la liberté grande. Къ счастью нашелъ я въ карманѣ подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественникъ, а не Ринальдо-Ринальдини. Благословенная хартія возымѣла тотчасъ свое дѣйствіе: комната была мнѣ отведена, стаканъ вина принесенъ, и абазы выданъ моему проводнику съ отеческимъ выговоромъ за его корыстолюбіе, оскорбительное для Грузинскаго гостепріимства. Я бросился на диванъ, надѣясь послѣ моего подвига заснуть богатырскимъ сномъ: не тутъ-то было! блохи, которыя гораздо опаснѣе шакаловъ, напали на меня и во всю ночь не дали

мнѣ покою. Поутру явился ко мнѣ человекъ и объявилъ, что графъ П(ушкинъ) благополучно переправился на волахъ черезъ снѣговья горы, и прибылъ въ Душетъ. Нужно было мнѣ торопиться! Графъ П(ушкинъ) и Ш(ернваль) посѣтили меня и предложили опять отправиться вмѣстѣ въ дорогу. Я оставилъ Душетъ съ пріятной мыслию, что ночую въ Тифлисѣ.

Дорога была такъ же пріятна и живописна, хотя рѣдко видѣли мы слѣды народонаселенія. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гарцискала мы переправились черезъ Куру по древнему мосту, памятнику римскихъ походовъ, и крупной рысью, а иногда и вскачь, поѣхали къ Тифлису, въ которомъ непримѣтнымъ образомъ и очутились въ часу въ одиннадцатомъ вечера.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тифлисъ. Народныя бани. Безносый Гассанъ. Нравы Грузинскіе. Пѣсни. Кахетинское вино. Причина жаровъ. Дороговизна. Описаніе города. Отъѣздъ изъ Тифлиса. Грузинская ночь. Видъ Арменіи. Двойной переходъ. Армянская деревня. Гергеры. Грибоѣдовъ. Безобдалъ. Минеральный ключъ. Буря въ горахъ. Ночлеги въ Гумрахъ. Араратъ. Граница. Турецкое гостепрѣимство. Карсъ. Армянская семья. Выѣздъ изъ Карса. Лагерь Графа Паскевича.

Я остановился въ трактирѣ, на другой день отправился въ славныя Тифлисскія бани. Городъ показался мнѣ многолюденъ. Азіатскія строенія и базаръ напомнили мнѣ Кишеневъ. По узкимъ и кривымъ улицамъ бѣжали ослы съ перекидными корзинами; арбы, запряженныя волами, перегораживали дорогу. Армяне, Грузинцы, Черкесы, Персіане тѣснились на неправильной площади; между ними молодые Русскіе чиновники разѣзжали верхами на Карабахскихъ жеребцахъ. При входѣ въ бани сидѣлъ содержатель, старый Персіанинъ. Онъ отворилъ мнѣ дверь, я вошелъ въ обширную комнату, и что же увидѣлъ? Болѣе пятидесяти женщинъ молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе неодѣтыхъ, сидя и стоя раздѣвались, одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ. Я остановился. «Пойдемъ, пойдемъ, сказали мнѣ хозяйинъ, сегодня вторникъ: женскій день. Ничего, не бѣда». — Конечно, не бѣда, отвѣчалъ я ему: напротивъ. Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею ч а д р о ю; ни одна не перестала раздѣваться. Казалось, я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны и оправдывали воображеніе Т. Мура:

a lovely Georgian maid,
With all the bloom, the freshened Glow
Of her own country maiden's looks,
When warm they rise from Teflis brooks.

L a l l a R o o k h s.

За то не знаю ничего отвратительнѣе Грузинскихъ старухъ: это вѣдьмы. Персіянинъ ввелъ меня въ бани: горячій желѣзосѣрный источникъ лился въ глубокую ванну, исъсеченную въ скалѣ. Отъ роду не встрѣчалъ я ни въ Россіи, ни въ Турціи ничего роскошнѣе Тифлискихъ бань. Опишу ихъ подробно.

Хозяинъ оставилъ меня на попеченіе Татарину-банщику. Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носу; это не мѣшало ему быть мастеромъ своего дѣла. Гассанъ (такъ назывался безносый Татаринъ) началъ съ того, что разложилъ меня на тепломъ каменномъ полу, послѣ чего началъ онъ ломать мнѣ члены, вытягивать суставы, бить меня сильно кулакомъ; я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но удивительное облегченіе. (Азіатскіе банщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по бедрамъ и пляшутъ по спинѣ въ присядку, e s e m p r e b e n e). Послѣ сего долго теръ онъ меня шерстяною рукавицей, и сильно оплескавъ теплой водой, сталъ умывать намыленнымъ полотнянымъ пузыремъ. Ощущеніе неизъяснимое: горячее мыло обливаетъ васъ какъ воздухъ! NB. Шерстяная рукавица и полотняный пузырь непременно должны быть приняты въ Русской банѣ; знатоки будутъ благодарны за такое нововведеніе.

Послѣ пузыря, Гассанъ отпустилъ меня въ ванну, тѣмъ и кончилась церемонія.

Въ Тифлисѣ я надѣялся найти Р(аевского), но, узнавъ, что полкъ его уже выступилъ въ походъ, я рѣшился просить у Графа Паскевича позволенія прѣхать въ армію.

Въ Тифлисѣ пробылъ я около двухъ недѣль и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. С(анковскій), издатель Тифлискихъ Вѣдомостей, рассказывалъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ, о К(нязѣ) Циціановѣ, объ А. П. Ермоловѣ и проч. С(анковскій) любитъ Грузію и предвидитъ для нея блестящую будущность.

Грузія прибѣгнула подъ покровительство Россіи въ 1783 году, что не помѣшало славному Агѣ-Мохамеду взять и разорить Тифлисъ и двадцать тысячъ жителей увести въ плѣнъ (1795 г.). Грузія перешла подъ скипетръ Императора Александра въ 1802. Грузины народъ воинственный. Они доказали свою храбрость подъ нашими знаменами. Ихъ умственные способности ожидаютъ большей образованности. Они вообще нрава веселаго и общежительнаго. По праздникамъ мужчины пьютъ и гуляютъ по улицамъ. Черноглазые мальчики поютъ, прыгаютъ и кувыркаются; женщины пляшутъ лезгинку.

Голосъ пѣсенъ Грузинскихъ пріятенъ: мнѣ перевели одну изъ нихъ слово въ слово: она, кажется, сложена въ новѣйшее время; въ ней есть какая-то восточная бессмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство. Вотъ вамъ она:

Душа, недавно рожденная въ раю! Душа, созданная для моего счастья!
Отъ тебя, бессмертная, ожидаю жизни.

Отъ тебя, Весна цвѣтущая, Луна двунедѣльная, отъ тебя, Ангель мой хранитель, отъ тебя ожидаю жизни.

Ты сіяешь лицемъ и веселишь улыбкою. Не хочу обладать міромъ; хочу твоего взора. Отъ тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освѣженная росю! Избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! отъ тебя ожидаю жизни.

Грузины пьютъ — и не понашему и удивительно крѣпки. Вина ихъ не терпятъ вывоза и скоро портятся, но на мѣстѣ они прекрасны. Кахетинское и Карабахское стоятъ нѣкоторыхъ Бургонскихъ. Вино держать въ м а р а н а х ъ, огромныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землю. Ихъ открываютъ съ торжественными обрядами. Недавно Русскій драгунъ, тайно открывъ таковой кувшинъ, упалъ въ него, и утонулъ въ Кахетинскомъ винѣ, какъ несчастный Кларенсъ въ бочкѣ малаги.

Тифлисъ находится на берегахъ Куры, въ долинѣ, окруженной каменистыми горами. Онѣ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ и, раскалясь на солнцѣ, не нагрѣваютъ, а кипятятъ недвижный воздухъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, царствующихъ въ Тифлисъ, несмотря на то, что городъ находится только еще подъ 41 градусомъ широты. Самое названіе (Тбимикаларъ) значитъ Жаркій городъ.

Большая часть города выстроена по-Азіатски: дома низкіе, кровли плоскія. Въ сѣверной части возвыщаются дома Европейской архитектуры, и около нихъ начинаютъ образоваться правильныя площади. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны Турецкихъ и Персидскихъ товаровъ, довольно дешевыхъ, если принять въ разсужденіе всеобщую дороговизну. Оружіе Тифлисское дорого цѣнится на всемъ Востокѣ. Графъ С(амойловъ) и В., прослывшіе здѣсь богатырями, обыкновенно пробовали свои новыя шашки, съ одного маху перерубая на-двое барана или отсѣкая голову быку.

Въ Тифлисъ главную часть народонаселенія составляютъ армяне: въ 1825 году было ихъ здѣсь до двухъ тысячъ пятисотъ семействъ. Во время нынѣшнихъ войнъ число ихъ еще умножилось. Грузинскихъ семействъ считается до тысячи пятисотъ. Русскіе не считаютъ себя здѣшними жителями. Военные, повинувшись долгу, живутъ въ Грузіи, потому что такъ имъ вельно. Молодые Титулярные Совѣтники пріѣзжаютъ сюда за чиномъ Ассесорскимъ, толико вождѣльнымъ. Тѣ и другіе смотрятъ на Грузію какъ на изгнаніе.

Климатъ Тифлисскій, сказываютъ, нездоровъ. Здѣшнія горячки ужасны;

ихъ лечатъ меркуріемъ, коего употребленіе безвредно по причинѣ жаровъ. Лекаря кормятъ имъ своихъ больныхъ безъ всякой совѣсти. Генераль С(и-
пягинъ), говорятъ, умеръ отъ того, что его домовый лекарь, пріѣхавшій съ
нимъ изъ Петербурга, испугался пріема предлагаемаго тамошними доктора-
ми, и не далъ онаго больному. Здѣшнія лихорадки похожи на Крымскія и
Молдавскія и лечатся одинаково.

Жители пьютъ Курскую воду, мутную, но пріятную. Во всѣхъ источни-
кахъ и колодцахъ вода сильно отзывается сѣрой. Впрочемъ вино здѣсь въ
такомъ общемъ употребленіи, что недостатокъ въ водѣ былъ бы не замѣтенъ.

Въ Тифлисі удивила меня дешевизна денегъ. Переѣхавъ на извозчикѣ
черезъ двѣ улицы и отпустивъ его черезъ полчаса, я долженъ былъ запла-
тить два рубля серебромъ. Я сперва думалъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться
незнаніемъ новопріѣзжаго, но мнѣ сказали, что цѣна точно такова. Все про-
чее дорого въ соразмѣрности.

Мы ѣздили въ Нѣмецкую колонію и тамъ обѣдали. Пили тамъ дѣлаемое
пиво, вкусу очень непріятнаго, и заплатили очень дорого за очень плохой
обѣдъ. Въ моемъ трактирѣ кормили меня также дорого и дурно. Г(енераль)
С(трекаловъ), извѣстный гастрономъ, позвалъ однажды меня отобѣдать; по
несчастію, у него разносили кушанья по чинамъ, а за столомъ сидѣли Ан-
глійскіе офицеры въ генеральскихъ эполетахъ. Слуги такъ усердно меня об-
носили, что я всталъ изъ-за стола голодный. Чортъ побери Тифлисскаго га-
стронома!

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей участи. Наконецъ полу-
чилъ я записку отъ Р(аевскаго). Онъ писалъ мнѣ, чтобы я спѣшилъ къ Кар-
су, потому что черезъ нѣсколько дней войско должно было идти далѣе. Я
выѣхалъ на другой же день.

Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на казачьихъ постахъ. Вокругъ
меня земля была опалена зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ
прекрасными садами, но, подѣзжая къ нимъ, видѣлъ я нѣсколько бѣдныхъ
сакель, осѣненныхъ пыльными тополями. Солнце сѣло, но воздухъ все еще
былъ душень:

Ночи знойныя!

Звѣзды чудныя!..

Луна сіяла; все было тихо; топотъ моей лошади одинъ раздавался въ
ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго, не встрѣчая признаковъ жилья. Нако-
нецъ увидѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хо-
зяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-Русски, а потомъ по-Татарски. Онъ ме-
ня не понялъ. Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифли-
са, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни по-Русски, ни
по-Татарски.

Переночевавъ на казачьемъ посту, на разсвѣтѣ я отправился далѣе. До-

рога шла горами и лѣсомъ. Я встрѣтилъ путешествующихъ Татаръ; между ними было нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры; видны были у нихъ только глаза да каблуки.

Я сталъ подыматься на Безобдалъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осыпанная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малое ущелье, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; подо мною разстлались злачныя зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ спускаться по отлогому склону горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ уже другой.

Человѣкъ мой съ вьючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтушей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсвѣтѣ проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ Армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я изъяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. Откуда вы, спросилъ я ихъ. — Изъ Тегерана. — Что вы везете? — Г р и б о ѣ д а. — Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я расстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить; онъ мнѣ сказалъ: *Vous ne connaissez pas ces gens là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux.* Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть Шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый Шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами Персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ Тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулею.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники челоѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ равнымъ его дарованіямъ, дол-

го былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣннн. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недоувѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случилось имъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ Московскомъ Телеграфѣ. Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, быть можетъ, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость разсчестья единожды навсегда съ своею молодостію и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздною разсѣянностію, уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву въ 1824 году было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ непрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія *Горетъ Ума* произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его наряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще: онъ назначенъ былъ Посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неравнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнны и нелюбопытны...

Въ Гергерахъ встрѣтилъ я Б(утурлина), который, какъ и я, ѣхалъ въ армію. Б(утурлинъ) путешествовалъ со всевозможными прихотями. Я отобѣдалъ у него какъ бы въ Петербургѣ. Мы положили путешествовать вмѣстѣ; но демонъ нетерпѣнія опять мною овладѣлъ. Человѣкъ мой просилъ у меня позволенія отдохнуть. Я отправился безъ проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна.

Переѣхавъ черезъ гору и спустясь въ долину, осѣненную деревьями, я увидѣлъ минеральный ключъ, текущій поперекъ дороги. Здѣсь я встрѣтилъ Армянскаго попа, ѣхавшаго въ Ахалцыкъ изъ Эривани. Что новаго въ Эривани? спросилъ я его. Въ Эривани чума, отвѣчалъ онъ; а что слышать объ Ахалцыкѣ? въ Ахалцыкѣ чума, отвѣчалъ я ему. Обмѣнявшись сими пріятными извѣстіями, мы разстались.

Я ѣхалъ посреди плодоносныхъ нивъ и цвѣтущихъ луговъ. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородіе вошло на востокъ въ пословицу. Къ вечеру прибылъ я въ Пернике. Здѣсь былъ казачій постъ. Урядникъ предсказывалъ мнѣ бурю и совѣтовалъ остаться ночевать, но я хотѣлъ непременно въ тотъ же день достигнуть Гумровъ.

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго Пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шель все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузь и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, налитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстухъ, и вскорѣ дождь промочилъ меня до послѣдней нитки. Ночь была темная; казакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь пересталъ и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ, я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другого. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ какъ убитый.

Казакъ разбудилъ меня на зарѣ. Первою моею мыслию было: не лежу ли въ лихорадкѣ, но почувствовалъ, что слава Богу былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, двуглавая гора. Что за гора? спросилъ я потягиваясь и услышалъ въ отвѣтъ: Это Араратъ. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждою обновленія и жизни — и врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія....

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росой и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. Вотъ и Арпачай, сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимую мечтою. Долго вель я потомъ жизнь ко-

чующую, скитаясь то по Югу, то по Сѣверу, и никогда еще не вырвался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело вѣхалъ въ завѣтную рѣку и добрый конь вынесъ меня на Турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще находился въ Россіи.

До Карса оставалось мнѣ еще 75 верстъ. Къ вечеру надѣялся я увидѣть нашъ лагерь. Я нигдѣ не останавливался. На половинѣ дороги, въ Армянской деревнѣ, построенной въ горахъ на берегу рѣчки, вмѣсто обѣда съѣлъ я проклятый ч ю р е к ъ, Армянскій хлѣбъ, испеченный въ видѣ лепешки пополамъ съ золою, о которомъ такъ тужили Турецкіе плѣнники въ Даріальскомъ ущелии. Дорого бы я далъ за кусокъ Русскаго чернаго хлѣба, который былъ имъ такъ противенъ. Меня провожалъ молодой Турокъ, ужасный говорунъ. Онъ во всю дорогу болталъ по-Турецки, не заботясь о томъ, понималъ ли я его или нѣтъ. Я напрягалъ вниманіе и старался угадать его. Казалось онъ побранивалъ Русскихъ и, привыкнувъ видѣть ихъ всѣхъ въ мундирахъ, по платью принялъ меня за иноземца. Навстрѣчу намъ попался Русскій офицеръ. Онъ ѣхалъ изъ нашего лагеря и объявилъ мнѣ, что армія уже выступила изъ подъ Карса. Не могу описать моего отчаянія; мысль, что мнѣ должно возвратиться въ Тифлисъ, измучась понапрасну въ пустынной Арменіи, совершенно убивала меня. Офицеръ поѣхалъ въ свою сторону; Турокъ началъ опять свой монологъ, но уже мнѣ было не до него. Я перемѣнилъ иноходъ на крупную рысь и вечеромъ пріѣхалъ въ Турецкую деревню, находящуюся въ двадцати верстахъ отъ Карса.

Соскочивъ съ лошади, я хотѣлъ войти въ первую саклю, но въ дверяхъ показался хозяинъ и оттолкнулъ меня съ бранію. Я отвѣчалъ на его привѣтствіе нагайкою. Турокъ раскричался; народъ собрался. Проводникъ мой кажется за меня заступился. Мнѣ указали Караванъ-сарай; я вошелъ въ большую саклю, похожую на хлѣвъ; не было мѣста, гдѣ бы я могъ разостлать бурку. Я сталъ требовать лошадь. Ко мнѣ явился турецкій старшина. На всѣ его непонятныя рѣчи отвѣчалъ я одно: в е р б а н а т ъ (дай мнѣ лошадь). Турки не соглашались. Наконецъ я догадался показать имъ деньги (съ чего надлежало бы мнѣ начать). Лошадь тотчасъ была приведена, и мнѣ дали проводника.

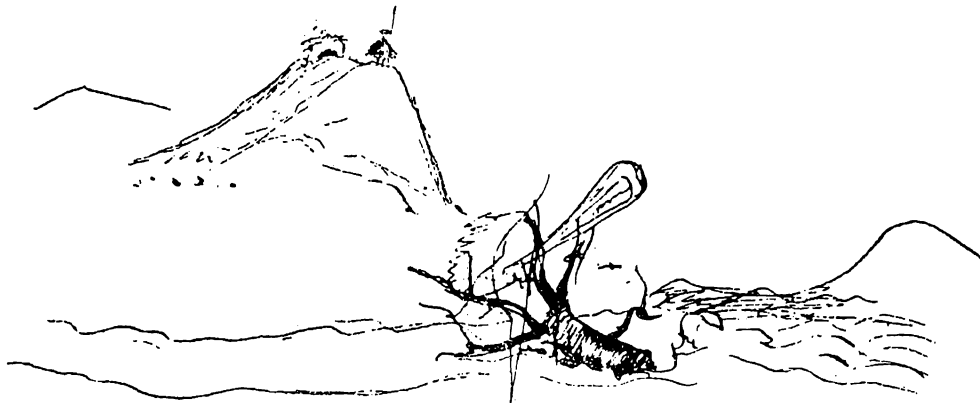
Я поѣхалъ по широкой долинѣ, окруженной горами. Вскорѣ увидѣлъ я Карсъ, бѣлѣющий на одной изъ нихъ. Турокъ мой указывалъ мнѣ на него, повторяя: Карсъ, Карсъ! и пускалъ вскачь свою лошадь: я слѣдовалъ за нимъ, мучась безпокойствомъ: участь моя должна была рѣшиться въ Карсѣ. Здѣсь долженъ я былъ узнать, гдѣ находится нашъ лагерь и будетъ ли еще мнѣ возможность догнать армію. Между тѣмъ небо покрылось тучами и дождь пошелъ опять; но я объ немъ уже не заботился.

Мы вѣхали въ Карсъ. Подъѣзжая къ воротамъ стѣны, услышалъ я Русскій барабанъ: били зорю. Часовой принялъ отъ меня билетъ и отпра-

вился къ Коменданту. Я стоялъ подъ дождемъ около получаса. Наконецъ меня пропустили. Я велѣлъ проводнику везти меня прямо въ бани. Мы поѣхали по кривымъ и крутымъ улицамъ; лошади скользили по дурной Турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома довольно плохой наружности. Это были бани. Турокъ слѣзъ съ лошади и сталъ стучаться у дверей. Никто не отвѣчалъ. Дождь ливня лилъ на меня. Наконецъ изъ ближняго дома вышелъ молодой Армянинъ и переговора съ моимъ Туркомъ позвалъ меня къ себѣ, объясняясь на довольно чистомъ Русскомъ языкѣ. Онъ повелъ меня по узкой лѣстницѣ во второе жилье своего дома. Въ комнатѣ, убранной низкими диванами и вѣтхими коврами, сидѣла старуха, его мать. Она подошла ко мнѣ и поцѣловала мнѣ руку. Сынъ велѣлъ ей разложить огонь и приготовить мнѣ ужинъ. Я раздѣлся и сѣлъ передъ огнемъ. Вошелъ меньшій братъ хозяина, мальчикъ лѣтъ семнадцати. Оба брата были въ Тифлисѣ и жила въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Они сказали мнѣ, что войска наши выступили наканунѣ, и что лагерь нашъ находится въ двадцати пяти верстахъ отъ Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мнѣ баранину съ лукомъ, которая показалась мнѣ верхомъ повареннаго искусства. Мы всѣ легли спать въ одной комнатѣ; я разлегся противу угасающаго камина и заснулъ въ пріятной надеждѣ увидѣть на другой день лагерь Графа Паскевича.

Поутру пошелъ я осматривать городъ. Младшій изъ моихъ хозяевъ взялся быть моимъ чичерономъ. Осматривая укрѣпленія и цитадель, выстроенную на неприступной скалѣ, я не понималъ, какимъ образомъ мы могли овладѣть Карсомъ. Мой Армянинъ толковалъ мнѣ, какъ умѣлъ, военныя дѣйствія, коимъ самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Замѣтя въ немъ охоту къ войнѣ, я предложилъ ему ѣхать со мною въ армію. Онъ съ охотою согласился. Я послалъ его за лошадьми. Черезъ полчаса выѣхалъ я изъ Карса, и Артемій (такъ назывался мой Армянинъ) уже скакалъ подлѣ меня на Турецкомъ жеребцѣ, съ гибкимъ Куртинскимъ дротикомъ въ рукѣ, съ кинжаломъ за поясомъ и бредя о Туркахъ и о сраженіяхъ.

Я ѣхалъ по землѣ, вездѣ засѣянной хлѣбомъ; кругомъ видны были деревни, но онѣ были пусты: жители разбѣжались. Дорога была прекрасна, и въ топкихъ мѣстахъ вымощена — черезъ ручьи выстроены были каменные мосты. Земля примѣтно возвышалась — передовые холмы хребта Саган-лу (древняго Тавра) начинали появляться. Прошло около двухъ часовъ; я взѣхалъ на отлогое возвышеніе и вдругъ увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карсъ-чая; черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ палаткѣ Р(аевскаго).

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Переходъ черезъ Саган-лу. Перестрѣлка. Лагерная жизнь. Язиды. Сраженіе съ Сераскиромъ Арзрумскимъ. Взорванная сакля.

Я пріѣхалъ во-время. Въ тотъ же день (13 Юня) войско получило повелѣніе идти впередъ. Обѣдая у Р(аевского), слушалъ я молодыхъ Генераловъ, разсуждавшихъ о движеніи, имъ предписанномъ. Генераль Бурцовъ отряженъ былъ влѣво по большой Арзрумской дорогѣ прямо противу Турецкаго лагеря, между тѣмъ какъ все прочее войско должно было идти правою стороною въ обходъ непріятелю.

Въ пятомъ часу войско выступило. Я ѣхалъ съ Нижегородскимъ Драгунскимъ полкомъ, разговаривая съ Р(аевскимъ), съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ не видался. Настала ночь; мы остановились въ долинѣ, гдѣ все войско имѣло приваль. Здѣсь имѣлъ я честь быть представленъ Графу Паскевичу.

Я нашелъ Графа дома передъ бивачнымъ огнемъ, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и принялъ меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозрѣвалъ, что участь похода рѣшилась въ эту минуту. Здѣсь увидѣлъ я нашего В(ольховскаго), запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ однако время побесѣдовать со мною какъ старый товарищъ. Здѣсь увидѣлъ я и М(ихайла) П(ущина), раненаго въ прошломъ году. Онъ любимъ и уважаемъ какъ славный товарищъ и храбрый солдатъ. Многіе изъ старыхъ моихъ друзей окружили меня. Какъ они перемѣнились! какъ быстро уходитъ время!

*Neu fugaces, Posthume, Posthume.
Labuntur anni . . .*

Я воротился къ Р(аевскому) и ночеваль въ его палаткѣ. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что неприятель сдѣлалъ нечаянное нападеніе. Р(аевскій) послалъ узнать причину тревоги. Нѣсколько Татарскихъ лошадей, сорвавшихся съ привязи, бѣгали по лагерю, и Мусульмане (такъ зовутся Татары, служащіе въ нашемъ войскѣ) ихъ ловили.

На зарѣ войско двинулось. Мы подѣхали къ горамъ поросшимъ лѣсомъ. Мы вѣхали въ ущеліе. Драгуны говорили между собою: смотри, братъ, держись: какъ разъ картечью хватятъ. Въ самомъ дѣлѣ, мѣстоположеніе благопріятствовало засадамъ; но Турки, отвлеченные въ другую сторону движеніемъ генерала Бурцова, не воспользовались своими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущеліе и стали на высотахъ Саган-лу, въ десяти верстахъ отъ неприятельскаго лагеря.

Природа около насъ была угрюма. Воздухъ былъ холоденъ, горы покрыты печальными соснами. Снѣгъ лежалъ въ оврагахъ.

. . . nec Armeniis in oris,
Amice Valgi, stat glacies iners
Menses per omnes . . .

Только успѣли мы отдохнуть и отобѣдать, какъ услышали ружейные выстрѣлы. Р(аевскій) послалъ освѣдомиться. Ему донесли, что Турки завязали перестрѣлку на передовыхъ нашихъ пикетахъ. Я поѣхалъ съ С(емичевымъ) посмотрѣть новую для меня картину. Мы встрѣтили раненаго казака: онъ сидѣлъ, шатаясь, на сѣдлѣ, блѣденъ и окровавленъ. Два казака поддерживали его. Много-ли Турковъ, спросилъ С(емичевъ). Свиньемъ валить, Ваше Благородіе, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Проѣхавъ ущеліе, вдругъ увидѣли мы на склоненіи противоположной горы до двухсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву, и надъ ними около пятисотъ Турковъ. Казаки отступали медленно; Турки наѣзжали съ большею дерзостію, прицѣливались шагахъ въ двадцати и выстрѣливъ сказали назадъ. Ихъ высокія чалмы, красивые долиمانы и блестящая збруя коней составляли рѣзкую противоположность съ синими мундирами и простою збруей казаковъ. Человѣкъ пятнадцать нашихъ было уже ранено. Подполковникъ Басовъ послалъ за подмогой. Въ это время самъ онъ былъ раненъ въ ногу. Казаки было смѣшались. Но Басовъ опять сѣлъ на лошадь и остался при своей командѣ. Подкрѣпленіе подоспѣло. Турки, замѣтивъ его, тотчасъ исчезли, оставя на горѣ голый трупъ казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсѣченныя головы отсылаютъ въ Константинополь, а кисти рукъ, обмакнувъ въ крови, отпечатлѣваютъ на своихъ знаменахъ. Выстрѣлы утихли. Орлы, спутники, войскъ, поднялися надъ горою, съ высоты высматривая себѣ добычу. Въ это время показалась толпа генераловъ и офицеровъ: Графъ Паскевичъ пріѣхалъ и отправился на гору, за которою скрылись Турки. Они были подкрѣп-

лены четырью тысячами конницы, скрытой въ лощинѣ и въ оврагахъ. Съ высоты горы открылся намъ Турецкій лагерь, отдѣленный отъ насъ оврагами и высотами. Мы возвратились поздно. Проѣзжая нашимъ лагеремъ, я видѣлъ нашихъ раненыхъ, изъ коихъ человекъ пять умерло въ ту же ночь и на другой день. Вечеромъ навѣстилъ я молодого Остенъ-Сакена, раненаго въ тотъ же день въ другомъ сраженіи.

Лагерная жизнь очень мнѣ нравилась. Пушка подымала насъ на зарѣ. Сонъ въ палаткахъ удивительно здоровъ. За обѣдомъ запивали мы Азіатскій шашлыкъ Англійскимъ пивомъ и шампанскимъ, застывшимъ въ снѣгахъ Таврійскихъ. Общество наше было разнообразно. Въ палаткѣ Генерала Раевского собирались Беки Мусульманскихъ полковъ, и бесѣда шла черезъ переводчика. Въ войскѣ нашемъ находились и народы Закавказскихъ нашихъ областей, и жители земель, недавно завоеванныхъ. Между ними съ любопытствомъ смотрѣлъ я на Язидовъ, слывущихъ на востокѣ дьяволопоклонниками. Около трехъ сотъ семействъ обитаютъ у подошвы Арарата. Они признали владычество Русскаго Государя. Начальникъ ихъ, высокій, уродливый мужчина, въ красномъ плащѣ и черной шапкѣ, приходилъ иногда съ поклономъ къ Генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать отъ Язида правду о ихъ вѣроисповѣданіи. На мои вопросы отвѣчалъ онъ, что молва, будто бы Язиды поклоняются сатанѣ, есть пустая баснь; что они вѣруютъ въ единого Бога; что по ихъ закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличнымъ и неблагороднымъ, ибо онъ теперь несчастливъ, но со временемъ можетъ быть прощенъ, ибо нельзя положить предѣловъ милосердію Аллаха. Это объясненіе меня успокоило. Я очень радъ былъ за Язидовъ, что они сатанѣ не поклоняются, и заблужденія ихъ показались мнѣ уже гораздо простительнѣе.

Человекъ мой явился въ лагерь черезъ три дня послѣ меня. Онъ пріѣхалъ съ вагенбургомъ, который въ виду непріятеля благополучно соединился съ арміей. NB: Во все время похода ни одна арба изъ многочисленнаго нашего обоза не была захвачена непріателемъ. Порядокъ, съ каковымъ обозъ слѣдовалъ за войскомъ, въ самомъ дѣлѣ удивителенъ.

17 Юня утромъ мы вновь услышали перестрѣлку и черезъ два часа увидѣли Карабахскій полкъ возвращающимся съ осмью Турецкими знаменами; Полковникъ Фридериксъ имѣлъ дѣло съ непріателемъ, засѣвшимъ за каменными завалами, вытѣснилъ его и прогналъ; Османъ-Папа, начальствовавшій конницей, едва успѣлъ спастись.

18 Юня лагерь передвинулся на другое мѣсто. 19, едва пушка разбудила насъ, все въ лагерьъ пришло въ движеніе. Генералы поѣхали къ своимъ постамъ. Полки строились; офицеры становились у своихъ взводовъ. Я остался одинъ, не зная въ которую сторону ѣхать, и пустилъ лошадь на волю Божію. Я встрѣтилъ Генерала Бурцова, который звалъ меня на лѣвый

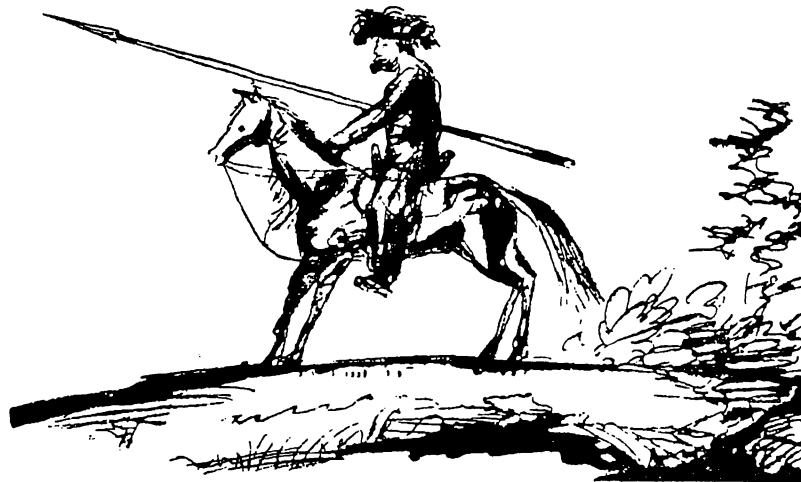
флангъ. Что такое лѣвый флангъ? подумалъ я, и поѣхалъ далѣе. Я увидѣлъ Генерала Муравьева, разставлявшаго пушки. Вскорѣ показались Дели-Баши и закружились въ долину, перестрѣливаясь съ нашими казаками. Между тѣмъ густая толпа ихъ пѣхоты шла по лоцину. Генералъ Муравьевъ приказалъ стрѣлять. Картечьхватила въ самую середину толпы. Турки повалили въ сторону и скрылись за возвышеніемъ. Я увидѣлъ Графа Паскевича, окруженнаго своимъ штабомъ. Турки обходили наше войско, отдѣленное отъ нихъ глубокимъ оврагомъ. Графъ послалъ П(ущина) осмотрѣть оврагъ. Пушинъ поскакалъ. Турки приняли его за наѣздника и дали по немъ залпъ. Все засмѣялись. Графъ велѣлъ выставить пушки и палить. Непрiятель разсыпался по горѣ и по лоцину. На лѣвомъ флангѣ, куда звалъ меня Бурцовъ, происходило жаркое дѣло. Передъ нами (противу центра) скакала Турецкая конница. Графъ послалъ противъ нея Генерала Раевского, который повелъ въ атаку свой Нижегородскій полкъ. Турки исчезли. Татары наши окружали ихъ раненыхъ и проворно раздѣвали, оставляя нагихъ посреди поля. Генералъ Раевскій остановился на краю оврага. Два эскадрона, отдѣляясь отъ полка, занесли въ своемъ преслѣдованіи; они были выречены Полковникомъ Симоничемъ.

Сраженіе утихло: Турки у насъ на глазахъ начали копать землю и таскать каменья, укрѣпляясь по своему обыкновенію. Ихъ оставили въ покоѣ. Мы слѣзли съ лошадей и стали обѣдать чѣмъ Богъ послалъ. Въ это время къ Графу привели нѣсколькихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ жестоко раненъ. Ихъ разспросили. Около шестаго часу войска опять получили приказъ идти на непрiятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли насъ пушечными выстрѣлами и вскорѣ начали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться въ оврагъ; земля обрывалась и сыпалась подъ конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда** (свой) Уланскій полкъ переѣхалъ бы черезъ меня. Однако Богъ вынесъ. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, какъ вся наша конница поскакала во весь опоръ. Турки бѣжали; казаки стегали нагайками пушки, брошенныя на дорогѣ, и неслись мимо. Турки бросались въ овраги, находящіеся по обѣимъ сторонамъ дороги; они уже не стрѣляли; по крайней мѣрѣ ни одна пуля не просвистала мимо моихъ ушей. Первые въ преслѣдованіи были наши Татарскіе полки, коихъ лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусивъ поводъ, отъ нихъ не отставала; я насилу могъ ее сдержать. Она остановилась передъ трупомъ молодого Турка, лежавшимъ поперекъ дороги. Ему, казалось, было лѣтъ оснадцать; блѣдное дѣвическое лицо не было обезображено; чалма его валялась въ пыли; обритый затылокъ прострѣленъ былъ пулею. Я поѣхалъ шагомъ; вскорѣ нагналъ меня Р(аевскій). Онъ написалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги донесеніе Графу Паскевичу о совершенномъ пораженіи непрiятеля и поѣхалъ далѣе. Я слѣдовалъ за

нимъ издали. Настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждомъ шагу. Графъ Паскевичъ повелѣлъ не прекращать преслѣдованія и самъ имъ управлять. Меня обогнали конные наши отряды. Я увидалъ Полковника Полякова, начальника казацкой артиллеріи, игравшей въ тотъ день важную роль, и съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ оставленное селеніе, гдѣ остановился Графъ Паскевичъ, прекратившій преслѣдованіе по причинѣ наступившей ночи.

Мы нашли Графа на кровлѣ подземной сакли передъ огнемъ. Къ нему приводили плѣнныхъ. Тутъ находились почти всѣ Начальники. Казаки держали въ поводьяхъ ихъ лошадей. Огонь освѣщалъ картину, достойную Сальватора-Розы, рѣчка шумѣла во мракѣ. Въ это время донесли Графу, что въ деревнѣ спрятаны пороховые запасы, и что должно опасаться взрыва. Графъ оставилъ саклю со всею своею свитою. Мы поѣхали къ нашему лагерю, находившемуся уже въ тридцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ мы ночевали. Дорога полна была конныхъ отрядовъ. Только успѣли мы прибыть на мѣсто, какъ вдругъ небо освѣтилось, какъ будто метеоромъ, и мы услышали глухой взрывъ. Сакля, оставленная нами назадъ тому четверть часа, взорвана была на воздухъ; въ ней находился пороховой запасъ. Разметанные камни задавили нѣсколькихъ казаковъ.

Вотъ все, что въ то время успѣлъ я увидѣть. Вечеромъ я узналъ, что въ семъ сраженіи разбитъ Сераскиръ Арзрумскій, шедшій на присоединеніе къ Гаки-Пашѣ съ тридцатью тысячами войска. Сераскиръ бѣжалъ къ Арзруму; войско его, переброшенное за Саган-лу, было разсѣяно, артиллерія взята, а Гаки-Паша одинъ оставался у насъ на рукахъ. Графъ Паскевичъ не далъ ему времени распорядиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сраженіе съ Гаки-Пашею. Смерть Татарскаго Бека. Гермафродитъ. Плѣнный Паша. Араксъ. Мостъ пастуха. Гассанъ-Кале. Горячій источникъ. Походъ къ Арзруму. Переговоры. Взятіе Арзрума. Турецкіе плѣнники. Дервишь.

На другой день въ пятомъ часу лагерь проснулся и получилъ приказаніе выступить. Вышедъ изъ палатки, я встрѣтилъ графа Паскевича, вставшаго прежде всѣхъ. Онъ увидѣлъ меня. «Etes-vous fatigué de la journée d'hier? — Mais un peu, M. le Comte. — J'en suis fâché pour vous, car nous allons faire encore une marche pour joindre le Pacha, et puis il faudra pour suivre l'ennemi encore une trentaine de verstes».

Мы тронулись и къ осьми часамъ пришли на возвышеніе, съ котораго лагерь Гаки-Паши виденъ былъ какъ на ладони. Турки открыли безвредный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Между тѣмъ въ лагерь ихъ замѣтно было большое движеніе. Усталость и утренній жаръ заставили многихъ изъ насъ слѣзть съ лошадей и лечь на свѣжую траву. Я опуталъ поводья около руки и сладко заснулъ, въ ожиданіи приказа идти впередъ. Черезъ четверть часа меня разбудили. Все было въ движеніи. Съ одной стороны колонны шли на Турецкій лагерь; съ другой — конница готовилась преслѣдовать непріятеля. Я поѣхалъ было за Нижегородскимъ полкомъ, но лошадь моя хромала, я отсталъ. Мимо меня пронесся уланскій полкъ. Потомъ В(ольховскій) проскакалъ съ тремя пушками. Я очутился одинъ въ лѣсистыхъ горахъ. Мнѣ попался на встрѣчу драгунъ, который объявилъ, что лѣсъ наполненъ непріателемъ. Я воротился. Я встрѣтилъ Генерала М(уравьева) съ

пѣхотнымъ полкомъ. Онъ отрядилъ одну роту въ лѣсъ, дабы его очистить. Подѣзжая къ лощинѣ, увидѣлъ я необыкновенную картину. Подъ деревомъ лежалъ одинъ изъ нашихъ Татарскихъ Бекъ, раненый смертельно. Подлѣ него рыдалъ его любимецъ. Мулла, стоя на колѣняхъ, читалъ молитвы. Умирающій Бекъ былъ чрезвычайно спокоенъ и неподвижно глядѣлъ на молодого своего друга. Въ лощинѣ собрано было человекъ пять сотъ плѣнныхъ. Нѣсколько раненыхъ Турковъ подзывали меня знаками, вѣроятно, принимая меня за лекаря, и требуя помощи, которой я не могъ имъ подать. Изъ лѣсу вышелъ Турокъ, зажимая свою рану окровавленной тряпкою. Солдаты подошли къ нему съ намѣреніемъ его приколоть, можетъ быть, изъ человеклюбія. Но это слишкомъ меня возмутило: я заступился за бѣднаго Турка и насилу провель его, изнеможенного и истекающаго кровью, къ кучкѣ его товарищей. При нихъ былъ Полковникъ А(нрепъ). Онъ курилъ дружелюбно изъ ихъ трубокъ, несмотря на то, что были слухи о чумѣ, будто бы открывшейся въ Турецкомъ лагерѣ. Плѣнные сидѣли, спокойно разговаривая между собою. Почти всѣ были молодые люди. Отдохнувъ, пустились мы далѣе. По всей дорогѣ валялись тѣла. Верстахъ въ пятнадцати нашель я Нижегородскій полкъ, остановившійся на берегу рѣчки посреди скалъ. Преслѣдованіе продолжалось еще нѣсколько часовъ. Къ вечеру пришли мы въ долину, окруженную густымъ лѣсомъ, и наконецъ могъ я выспаться въ волю, проскакавъ въ эти два дня болѣе восьмидесяти верстъ.

На другой день войска, преслѣдовавшія непріятели, получили приказъ возвратиться въ лагерь. Тутъ узнали мы, что между плѣнниками находился гермафродитъ. Р(аевскій), по просьбѣ моей, велѣлъ его привести. Я увидѣлъ высокаго, довольно толстаго мужика, съ лицомъ старой курносой чухонки. Мы осмотрѣли его въ присутствіи лекаря. *Erat vir, mammosus ut femina, habebat t(esticulos) non evolutos, p(enem)que parvum et puerilem. Quaerebamus sit ne exsectus? Deus, respondit, castravit me.* Сія болѣзнь, извѣстная Иппократу, по свидѣтельству путешественниковъ, встрѣчается часто у кочующихъ Татаръ и у Турковъ. К о с с ъ есть Турецкое названіе симъ мнимымъ гермафродитамъ.

Войско наше стояло въ Турецкомъ лагерѣ, взятомъ наканунѣ. Палатка Графа Паскевича стояла близъ зеленаго шатра Гаки-Паши, взятаго въ плѣнъ нашими казаками. Я пошелъ къ нему и нашель его окруженнаго нашими офицерами. Онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и куря трубку. Онъ казался лѣтъ сорока. Важность и глубокое спокойствіе изображались на прекрасномъ лицѣ его. Отдавшись въ плѣнъ, онъ просилъ, чтобъ ему дали чашку кофію и чтобъ его избавили отъ вопросовъ.

Мы стояли въ долинѣ. Снѣжныя и лѣсистыя горы Саган-лу были уже за нами. Мы пошли впередъ, не встрѣчая нигдѣ непріятели. Селенія были пусты. Окрестная сторона печальна. Мы увидѣли Араксъ, быстро текущій

въ каменистыхъ берегахъ своихъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ Гассанъ-Кале находится мостъ, прекрасно и смѣло выстроенный на семи неравныхъ сводахъ. Преданіе приписываетъ его построение разбогатѣвшему пастуху, умершему пустынною на высотѣ холма, гдѣ донинѣ показываютъ его могилу, осѣненную двумя пустынными соснами. Сосѣдніе поселяне стекаются къ ней на поклоненіе. Мостъ называется Ч а б а н ь - К э п р и (мостъ пастуха). Дорога въ Тебризъ лежитъ черезъ него.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста посѣтилъ я темныя развалины караванъ-сарая. Я не нашелъ въ немъ никого, кромѣ больного осла, вѣроятно брошеннаго здѣсь бѣгущими поселянами.

24 Юня утромъ пошли мы къ Гассанъ-Кале, древней крѣпости, наканунѣ занятой Княземъ Бековичемъ. Она была въ пятнадцати верстахъ отъ мѣста нашего ночлега. Длинные переходы утомили меня. Я надѣялся отдохнуть; но вышло иначе.

Передъ выступленіемъ конницы, явились въ нашъ лагерь Армяне, живущіе въ горахъ, требуя защиты отъ Турковъ, которые три дня тому назадъ отогнали ихъ скотъ. Полковникъ А(нрепъ), хорошо не разобравъ чего они хотѣли, вообразилъ, что Турецкій отрядъ находился въ горахъ, и съ однимъ эскадрономъ Уланскаго полка поскакалъ въ сторону, давъ знать Р(аевскому)у, что три тысячи Турковъ находятся въ горахъ. Р(аевскій) отправился вслѣдъ за нимъ, дабы подкрѣпить его въ случаѣ опасности. Я почиталъ себя прикомандированнымъ къ Нижегородскому полку, и съ великою досадою поскакалъ на освобожденіе Армянъ. Проѣхавъ версть двадцать, вѣхали мы въ деревню и увидѣли нѣсколько отставшихъ улановъ, которые спѣшась, съ обнаженными саблями преслѣдовали нѣсколькихъ куръ. Здѣсь одинъ изъ поселянъ растолковалъ Р(аевскому), что дѣло шло о трехъ тысячахъ воловъ, три дня назадъ отогнанныхъ Турками, и которыхъ весьма легко будетъ догнать дня черезъ два. Р(аевскій) приказалъ уланамъ прекратить преслѣдованіе куръ и послалъ полковнику А(нрепу) повелѣніе воротиться. Мы поѣхали обратно и, выбравшись изъ горъ, прибыли подъ Гассанъ-Кале. Но такимъ образомъ дали мы сорокъ версть крюку, чтобы спасти жизнь нѣсколькимъ Армянскимъ курицамъ, что вовсе не казалось мнѣ забавнымъ.

Гассанъ-Кале почитается ключемъ Арзрума. Городъ выстроенъ у подошвы скалы, увѣнчанной крѣпостью. Въ немъ находилось до ста Армянскихъ семействъ. Лагерь нашъ стоялъ въ широкой равнинѣ, разстилающейся передъ крѣпостью. Тутъ посѣтилъ я круглое каменное строеніе, въ которомъ находился горячій желѣзосѣрный источникъ.

Круглый бассейнъ имѣетъ сажени три въ діаметрѣ. Я переплылъ его два раза и вдругъ, почувствовавъ головокруженіе и тошноту, едва имѣлъ силу выдти на каменный край источника. Эти воды славятся на Востокѣ, но,

не имѣя порядочныхъ лекарей, жители пользуются ими наобумъ и вѣроятно безъ большого успѣха.

Подъ стѣнами Гассанъ-Кале течетъ рѣка Мургъ; берега ея покрыты желѣзными источниками, которые бьютъ изъ-подъ камней и стекаютъ въ рѣку. Они не столь пріятны вкусу, какъ Кавказскій Нарзанъ, и отзываются мѣдью.

25 Юня, въ день рожденія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, въ лагерь нашъ подъ стѣнами крѣпости полки отслушали молебень. За обѣдомъ у Графа Паскевича, когда пили здоровье Государя, Графъ объявилъ походъ къ Арзруму. Въ пять часовъ вечера войско уже выступило.

26 Юня мы стали въ горахъ въ пяти верстахъ отъ Арзрума. Горы эти называются А к ъ - Д а г ъ (бѣлыя горы); онѣ мѣловыя; бѣлая, язвительная пыль ѣла намъ глаза; грустный видъ ихъ наводилъ тоску. Близость Арзрума и увѣренность въ окончаніи похода утѣшала насъ.

Вечеромъ Графъ Паскевичъ ѣздилъ осматривать мѣстоположеніе. Турецкіе наѣзники, цѣлый день кружившіеся передъ нашими пикетами, начали по немъ стрѣлять. Графъ нѣсколько разъ погрозилъ имъ нагайкой, не переставая разсуждать съ генераломъ М(уравьевымъ). На ихъ выстрѣлы не отвѣчали.

Между тѣмъ въ Арзрумѣ происходило большое смятеніе. Сераскирь, прибѣжавшій въ городъ послѣ своего пораженія, распустилъ слухъ о совершенномъ разбитіи Русскихъ. Въ слѣдъ за нимъ отпущенные плѣнники доставили жителямъ воззваніе Графа Паскевича. Бѣглецы уличили Сераскира во лжи. Вскорѣ узнали о быстромъ приближеніи Русскихъ. Народъ сталъ говорить о сдачѣ. Сераскирь и войско думали защищаться. Произошелъ мятежъ. Нѣсколько Франковъ были убиты озлобленной чернью.

Въ лагерь нашъ (26 утромъ) явились депутаты отъ народа и Сераскира; день прошелъ въ переговорахъ; въ пять часовъ вечера депутаты отправились въ Арзрумъ, и съ ними генераль Князь Бековичъ, хорошо знающій азіатскіе языки и обычаи.

На другой день утромъ войско наше двинулось впередъ. Съ восточной стороны Арзрума, на высотѣ Топъ-дага, находилась Турецкая батарея. Полки пошли къ ней, отвѣчая на Турецкую пальбу барабаннымъ боемъ и музыкою. Турки бѣжали и Топъ-дагъ былъ занятъ. Я пріѣхалъ туда съ поэтомъ Ю(зефовичемъ). На оставленной батарее нашли мы Графа Паскевича со всею его свитою. Съ высоты горы въ лощинѣ открывался взору Арзрумъ со всею цитаделью, съ зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Графъ былъ верхомъ. Передъ нимъ на землѣ сидѣли Турецкіе депутаты, пріѣхавшіе съ ключами города. Но въ Арзрумѣ замѣтно было волненіе. Вдругъ на городскомъ валу мелькнулъ огонь, закурился дымъ, и ядра полетѣли къ Топъ-Дагу. Нѣсколько ихъ пронесли надъ головою Графа Паске-

веча. *Voyez les tures*, — сказалъ онъ мнѣ, — *on ne peut jamais se fier à eux*. Въ сію минуту прискакалъ на Топъ-Дагъ Князь Бековичъ, со вчерашняго дня находившійся въ Арзрумѣ на переговорахъ. Онъ объявилъ, что Сераскиръ и народъ давно согласны на сдачу, но что нѣсколько непослушныхъ арнаутовъ, подъ предводительствомъ Топчи-Паши, овладѣли городскими батареями и бунтуютъ. Генералы подѣхали къ Графу, прося позволенія заставить молчать Турецкія батареи. Арзрумскіе сановники, сидѣвшіе подъ огнемъ своихъ же пушекъ, повторили ту же просьбу. Графъ нѣсколько времени медлилъ, наконецъ далъ повелѣніе, сказавъ: Полно имъ дурачиться. — Тотчасъ подвезли пушки, стали стрѣлять, и непріятельская пальба мало по малу утихла. Полки наши пошли въ Арзрумъ, и 27 Іюня, въ годовщину Полтавскаго сраженія, въ шесть часовъ вечера, русское знамя развилось надъ Арзрумской цитаделью.

Р(аевскій) поѣхалъ въ городъ — я отправился съ нимъ; мы вѣхали въ городъ, представлявшій удивительную картину. Турки съ плоскихъ кровель своихъ угрюмо смотрѣли на насъ. Армяне шумно толпились въ тѣсныхъ улицахъ. Ихъ мальчишки бѣжали передъ нашими лошадьми, крестясь и повторяя: Христіянъ! Христіянъ!.. Мы подѣхали къ крѣпости, куда вошла наша артиллерія; съ крайнимъ удивленіемъ встрѣтилъ я тутъ моего Артемія, уже развѣзжающаго по городу, не смотря на строгое предписаніе никому изъ лагеря не отлучаться безъ особеннаго позволенія.

Улицы города тѣсны и кривы. Дома довольно высоки. Народу множество — лавки были заперты. Пробывъ въ городѣ часа съ два, я возвратился въ лагерь: Сераскиръ и четверо Пашей, взятые въ плѣнъ, находились уже тутъ. Одинъ изъ Пашей, сухощавый старичокъ, ужасный хлопотунъ, съ живостію говорилъ нашимъ Генераламъ. Увидѣвъ меня во фракѣ, онъ спросилъ, кто я таковъ. П(ущинъ) далъ мнѣ титулъ поэта. Паша сложилъ руки на грудь и поклонился мнѣ, сказавъ черезъ переводчика: благословенъ часъ, когда мы встрѣчаемъ поэта. Поэтъ братъ Дервишу. Онъ не имѣетъ ни отечества, ни благъ земныхъ; и между тѣмъ, какъ мы, бѣдные, заботимся о славѣ, о власти, о сокровищахъ, онъ стоитъ наравнѣ съ властелинами земли, и ему поклоняются.

Восточное привѣтствіе Паши всѣмъ намъ очень полюбилось. Я пошелъ взглянуть на Сераскира — при входѣ въ его палатку встрѣтилъ я его любимаго пажу, черноглазаго мальчика лѣтъ четырнадцати, въ богатой арнаутской одеждѣ. Сераскиръ, сѣдой старикъ, наружности самой обыкновенной, сидѣлъ въ глубокомъ уныніи. Около него была толпа нашихъ офицеровъ. Выходя изъ его палатки, увидѣлъ я молодого человѣка, полунагаго, въ бараньей шапкѣ, съ дубиной въ рукѣ и съ мѣхомъ (*oultre*) за плечами. Онъ кричалъ во все горло. Мнѣ сказали, что это былъ братъ мой, Дервишъ, приходшій привѣтствовать побѣдителей. Его насилу отогнали.

*Арзрумъ въспоминаніемъ
Бодисі и минаретовъ Гаджи-Бабы на
Кавказѣ 27 іюня 1827. О. П. Х.*

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Арзрумъ. Азіатская роскошь. Климать. Кладбища. Сатирическіе стихи. Сераскирскій дворець. Харемъ Турецкаго Паши. Чума. Смерть Бурцова. Выѣздъ изъ Арзрума. Обратный путь. Русскій журналъ.

Арзрумъ (неправильно называемый Арзрумъ, Эрзрумъ, Эрзронъ) основанъ около 415 года, во время Θεодосія Второго, и названъ Θεодосіополемъ. Никакого историческаго воспоминанія не соединяется съ его именемъ. Я зналъ о немъ только то, что здѣсь, по свидѣтельству Гаджи-Бабы, поднесены были персидскому Послу, въ удовлетвореніе какой-то обиды, телячьи уши вмѣсто человѣчьихъ.

Арзрумъ почитается главнымъ городомъ въ Азіатской Турціи. Въ немъ считалось до ста тысячъ жителей, но кажется число сіе слишкомъ увеличено. Дома въ немъ каменные, кровли покрыты дерномъ, что даетъ городу чрезвычайно странный видъ, если смотришь на него съ высоты.

Главная сухопутная торговля между Европою и Востокомъ производится чрезъ Арзрумъ. Но товаровъ въ немъ продается мало; ихъ здѣсь и не выкладываютъ, что замѣтилъ и Турнфоръ, пишушій, что въ Арзрумѣ больной можетъ умереть за невозможностью достать ложку ревеня, между тѣмъ какъ цѣлые мѣшки онаго находятся въ городѣ.

Не знаю выраженія, которое было бы безмысленнѣе словъ «Азіатская роскошь». Эта поговорка, вѣроятно, родилась во время крестовыхъ походовъ, когда бѣдные рыцари, оставя голыя стѣны и дубовые стулья своихъ зам-

ковъ, увидѣли въ первый разъ красные диваны, пестрые ковры и кинжалы съ цвѣтными камешками на рукояти. Нынѣ можно сказать; Азіатская бѣдность, Азіатское свинство, и проч. но роскошь есть конечно принадлежность Европы. Въ Арзрумѣ ни за какія деньги нельзя купить того, что вы найдете въ мелочной лавкѣ перваго уѣзднаго городка Псковской губерніи.

Климатъ Арзрумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ лощинѣ, возвыщающейся надъ моремъ на семь тысячъ футовъ. Горы, окружающія его, покрыты снѣгомъ большую часть года. Земля безлѣсна, но плодоносна. Она орошена множествомъ источниковъ и отовсюду пересѣчена водопроводами. Арзрумъ славится своею водою. Евфратъ течетъ въ трехъ верстахъ отъ города. Но фонтановъ вездѣ множество. У cadaго виситъ жестяной ковшикъ на цѣпи, и добрые Мусульмане пьютъ и не нахвалятся. Лѣсъ доставляется изъ Саган-лу.

Въ Арзрумскомъ арсеналѣ нашли множество стариннаго оружія, шлемовъ, латъ, сабель, ржавѣющихъ вѣроятно еще со временъ Годфреда.

Мечети низки и темны. За городомъ находится кладбище. Памятники состоятъ обыкновенно въ столбахъ, убранныхъ каменною чалмою. Гробницы двухъ или трехъ Пашей отличаются большой затѣйливостью, но въ нихъ нѣтъ ничего изящнаго: никакого вкуса, никакой мысли... Одинъ путешественникъ пишетъ, что изъ всѣхъ Азіатскихъ городовъ въ одномъ Арзрумѣ нашелъ онъ башенные часы, и тѣ были испорчены.

Нововведенія, затѣваемые Султаномъ, не проникли еще въ Арзрумъ. Войско носить еще свой живописный, восточный нарядъ. Между Арзрумомъ и Константинополемъ существуетъ соперничество, какъ между Казанью и Москвою. Вотъ начало сатирической поэмы, сочиненной янычаромъ Аминь-Оглу.

Стамбуль Гяуры нынче славятъ,
А завтра кованной пятой,
Какъ змія спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдутъ — и такъ оставятъ.
Стамбуль заснулъ передъ бѣдой.

Стамбуль отрекся отъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ.
Стамбуль для сладостей порока
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ.
Стамбуль отвыкъ отъ поту битвы
И пьетъ вино въ часы молитвы.

Въ немъ вѣры чистой жаръ потухъ;
Въ немъ жены по кладбищамъ ходятъ,
На перекрестки шлютъ старухъ,

А тѣ мужчинѣ въ харемы вводятъ
И спитъ подкупленный евнухъ.

Но не таковъ Арзрумъ нагорный,
Многоторожный нашъ Арзрумъ;
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черплемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.

Постимся мы: струею трезвой
Святыя воды насъ поятъ;
Толпой безтрепетной и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смирно жены тамъ сидятъ.

Я жилъ въ Сераскировомъ дворцѣ, въ комнатахъ, гдѣ находился харемъ. Цѣлый день бродилъ я по безчисленнымъ переходамъ, изъ комнаты въ комнату, съ кровли на кровлю, съ лѣстницы на лѣстницу. Дворецъ казался разграбленнымъ; Сераскиръ, предполагая бѣжать, вывезъ изъ него что только могъ. Диваны были ободраны, ковры сняты. — Когда гулялъ я по городу, Турки подзывали меня и показывали мнѣ языкъ (они принимаютъ всякаго Франка за лекаря). Это мнѣ надоѣло, я готовъ былъ отвѣчать имъ тѣмъ же. Вечера проводилъ я съ умнымъ и любезнымъ С(ухоруковымъ); сходство нашихъ занятій сблизало насъ. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ литературныхъ предположеніяхъ, о своихъ историческихъ изысканіяхъ, нѣкогда начатыхъ имъ съ такою ревностію и удачей. Ограниченность его желаній и требованій поистинѣ трогательна. Жаль, если они не будутъ исполнены.

Дворецъ Сераскира представлялъ картину вѣчно оживленную: тамъ, гдѣ угрюмый Паша молчаливо курилъ посреди своихъ женъ и отроковъ, тамъ его побѣдитель получалъ донесенія о побѣдахъ своихъ Генераловъ, раздавалъ Пашалыки, разговаривалъ о новыхъ романахъ. Мушской Паша пріѣзжалъ къ Графу Паскевичу просить у него мѣста для своего племянника. Ходя по дворцу, важный Турокъ остановился въ одной изъ комнатъ, съ живостію проговорилъ нѣсколько словъ и впалъ потомъ въ задумчивость: въ этой самой комнатѣ обезглавленъ былъ его отецъ по повелѣнію Сераскира. Вотъ впечатлѣнія настоящія Восточныя! Славный Бей-булатъ, гроза Кавказа, пріѣзжалъ въ Арзрумъ съ двумя старшинами Черкесскихъ селеній, возмущившихся во время послѣднихъ войнъ. Они обѣдали у Графа Паскевича. Бей-булатъ, мужчина лѣтъ тридцати пяти, малорослый и широкоплечій. Онъ по-Русски не говоритъ, или притворяется, что не говоритъ. Пріѣздъ его въ Арзрумъ меня очень обрадовалъ: онъ былъ уже мнѣ порукой въ безопасномъ переѣздѣ черезъ горы и Кабарду.

Османъ-Паша, взятый въ плѣнъ подъ Арзрумомъ и отправленный въ Тифлисъ вмѣстѣ съ Сераскиромъ, просилъ Графа Паскевича за безопасность харема, имъ оставляемаго въ Арзрумѣ. Въ первые дни объ немъ было за- были. Однажды за обѣдомъ, разговаривая о тишинѣ мусульманскаго города, занятаго десятию тысячами войска, и въ которомъ ни одинъ изъ жителей ни разу не пожаловался на насиліе солдата, Графъ вспомнилъ о харемѣ Османа-Паши и приказалъ Г. А(брамовичу) съѣздить въ домъ Паши и спросить у его женъ, довольны ли онѣ и не было ли имъ какой-нибудь обиды. Я просилъ позволенія сопровождать Г. А(брамовича). Мы отправились. Г. А(брамовичъ) взялъ съ собою въ переводчики русскаго офицера, коего исторія любопытна. Оснадцати лѣтъ попался онъ въ плѣнъ къ Персіанамъ. Его скопили и онъ болѣе двадцати лѣтъ служилъ евнухомъ въ харемѣ одного изъ сыновей Шаха. Онъ рассказывалъ о своемъ несчастіи въ пребываніи въ Персіи съ трогательнымъ простодушіемъ. Въ фізіологическомъ отношеніи показанія его были драгоцѣнны.

Мы пришли въ домъ Османа-Паши; насъ ввели въ открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусомъ, — на цвѣтныхъ окнахъ начертаны были надписи взятыя изъ Корана. Одна изъ нихъ показалась мнѣ очень замысловата для Мусульманскаго харема: т е б ѣ п о д о б а е т ѣ с в я з ы в а т ь и р а з в я з ы в а т ь. Намъ поднесли кофію въ чашечкахъ, оправленныхъ въ серебрѣ. Старикъ съ бѣлой почтенной бородою, отецъ Османа-Паши, пришелъ отъ имени женъ благодарить Графа Паскевича, но Г. А(брамовичъ) сказалъ наотрѣзъ, что онъ посланъ къ женамъ Османа-Паши, и хочетъ ихъ видѣть, дабы отъ нихъ самихъ удостовѣриться, что онѣ въ отсутствіе супруга всѣмъ довольны. Едва Персидскій плѣнникъ успѣлъ все это перевести, какъ старикъ въ знакъ негодованія зашелкалъ языкомъ и объявилъ, что никакъ не можетъ согласиться на наше требованіе, и что если Паша, по своемъ возвращеніи, провѣдаетъ, что чужіе мужчины видѣли его женъ, то и ему, старику, и всѣмъ служителямъ харема велитъ отрубить голову. Прислужники, между коими не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика; но Г. А(брамовичъ) былъ непоколебимъ. Вы боитесь своего Паши, сказалъ онъ имъ, а я своего Сераскира и не смѣю ослушаться его приказаній. — Дѣлать было нечего. Насъ повели черезъ садъ, гдѣ били два тощіе фонтана. Мы приблизились къ маленькому каменному строенію. Старикъ сталъ между нами и дверью, осторожно ее отперъ, не выпуская изъ рукъ задвижки; мы увидѣли женщину, съ головы до желтыхъ туфель покрытую бѣлой чадрою. Нашъ переводчикъ повторилъ ей вопросъ; мы услышали шамканіе семидесятилѣтней старухи; Г. А(брамовичъ) прервалъ ее: это мать Паши, сказалъ онъ, а я присланъ къ женамъ, приведите одну изъ нихъ; всѣ изумились догадкѣ гяуровъ: старуха ушла и черезъ минуту возвратилась съ женщиной, покрытой такъ же, какъ и она,

— изъ-подъ покрывала раздался молодой пріятный голосокъ. Она благодарила Графа за его вниманіе къ бѣднымъ вдовамъ, и хвалила обхожденіе Русскихъ. Г. А(брамовичъ) имѣлъ искусство вступить съ нею въ дальнѣйшій разговоръ. Я между тѣмъ, глядя около себя, увидѣлъ вдругъ надъ самой дверью круглое окошко, и въ этомъ кругломъ окошкѣ 5 или 6 круглыхъ головокъ съ черными любопытными глазами. Я хотѣлъ было сообщить о своемъ открытіи Г. А(брамовичу), но головки закивали, замигали, нѣсколько пальчиковъ стали мнѣ грозить, давая знать, чтобъ я молчалъ. Я повиновался и не подѣлился моею находкою. Всѣ онѣ были пріятны лицомъ, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у дверей съ Г. А(брамовичемъ), была, вѣроятно, розою-повелительницею харема, сокровишницею сердець, розою любви — по крайней мѣрѣ, я такъ воображалъ.

Наконецъ Г. А(брамовичъ) прекратилъ свои разспросы. Дверь затворилась. Лица въ окошкѣ исчезли. Мы осмотрѣли садъ и домъ, и возвратились, очень довольные своимъ посольствомъ.

Такимъ образомъ видѣлъ я харемъ: это удалось рѣдкому Европейцу. Вотъ вамъ основаніе для восточнаго романа. —

Война, казалось, кончена. Я собирался въ обратный путь. 14 Іюля пошелъ я въ народную баню, и не радъ былъ жизни! Я проклиналъ нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Какъ можно сравнить бани Арзрумскія съ Тифлисскими!

Возвращаясь во дворецъ, узналъ я отъ К(оновницына), стоявшаго въ караулѣ, что въ Арзрумѣ открылась чума. Мнѣ тотчасъ представились ужасы карантина, и я въ тотъ же день рѣшилъ оставить армію. Мысль о присутствіи чумы очень непріятна съ непривычки. Желая изгладить это впечатлѣніе, я пошелъ гулять по базару. Остановясь предъ лавкою оружейнаго мастера, я сталъ разсматривать какой то кинжалъ, какъ вдругъ ударили меня по плечу. Я оглянулся: за мною стоялъ ужасный нищій. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть; изъ красныхъ, загноенныхъ глазъ его текли слезы. Мысль о чумѣ опять мелькнула въ моемъ воображеніи. Я оттолкнулъ нищаго съ чувствомъ отвращенія неизъяснимаго, и воротился домой, очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство однако жъ превозмогло; на другой день я отправился съ лекаремъ въ лагерь, гдѣ находились зачумленные. Я не сошелъ съ лошади и взялъ предосторожность стать по вѣтру. Изъ палатки вывели намъ больного; онъ былъ чрезвычайно блѣденъ и шатался, какъ пьяный. Другой больной лежалъ безъ памяти. Осмотрѣвъ чумнаго и обѣщавъ несчастному скорое выздоровленіе, я обратилъ вниманіе на двухъ Турковъ, которые вывели его подъ руки, раздѣвали, щупали, какъ будто чума была не что иное, какъ насморкъ. Признаюсь, я устыдился моей Европейской робости въ присутствіи такого равнодушія, и поскорѣе возвратился въ городъ.

19 Июля, пришедъ проститься съ Графомъ Паскевичемъ, я нашель его въ сильномъ огорченіи. Получено было извѣстіе, что Генераль Бурцовъ былъ убитъ подъ Байбуртомъ. Жаль было храбраго Бурцова, но это происшествіе могло быть печально и для всего нашего малочисленнаго войска, зашедшаго глубоко въ чужую землю и окруженнаго непріязненными народами, готовыми возстать при слухѣ о первой неудачѣ. И такъ война возобновлялась! Графъ предлагалъ мнѣ быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ предприятий; но я спѣшилъ въ Россію... Графъ подарилъ мнѣ на память Турецкую саблю. Она хранится у меня памятникомъ моего странствованія вослѣдъ блестящаго героя по завоеваннымъ пустынямъ Арменіи. Въ тотъ же день я оставилъ Арзрумъ.

Я ѣхалъ обратно въ Тифлисъ по дорогѣ, уже мнѣ знакомой. Мѣста, еще недавно оживленныя присутствіемъ пятнадцати тысячъ войска, были молчаливы и печальны. Я переѣхалъ Саган-лу и едва могъ узнать мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ лагерь. Въ Гумрахъ выдержалъ я трехдневный карантинъ. Опять увидѣлъ я Безобдалъ и оставилъ возвышенныя равнины холодной Арменіи для знойной Грузіи. Въ Тифлисъ я прибылъ 1-го Августа. Здѣсь остался я нѣсколько дней въ любезномъ и веселомъ обществѣ. Нѣсколько вечеровъ провелъ я въ садахъ при звукѣ музыки и пѣсень Грузинскихъ. Я отправился далѣе. Переѣздъ мой черезъ горы замѣчателенъ былъ для меня тѣмъ, что близъ Коби ночью застала меня буря. Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками. Бѣшеная Балка также явилась мнѣ во всемъ своемъ величии: оврагъ, наполнившійся дождевыми водами, превосходилъ въ своей свирѣпости самый Терекъ, тутъ же грозно ревѣвшій. Берега были растерзаны; огромные камни сдвинуты съ мѣста и загромождали потокъ. Множество Осетинцевъ разрабатывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконецъ я выѣхалъ изъ тѣснаго ущелья на раздолье широкихъ равнинъ Большой Кабарды. Во Владикавказѣ нашель я Д(орохова) и П(ущина). Оба ѣхали на воды лечиться отъ ранъ, полученныхъ ими въ нынѣшніе походы. У П(ущина) на столѣ нашель я Русскіе журналы. Первая статья, мнѣ попавшаяся, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи. Я сталъ читать ее вслухъ. П(ущинъ) остановилъ меня, требуя, чтобъ я читалъ съ большимъ мимическимъ искусствомъ. Надобно знать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей критики: это былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи, Здравомыслемъ этой маленькой комедіи. Требованіе П(ущина) показалось мнѣ такъ забавно, что досада, произведенная на меня чтеніемъ журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались отъ чистаго сердца.

Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ.

Примѣчанія.

«Путешествіе въ Арзрумъ» было написано (по крайней мѣрѣ, въ наброскахъ) въ 1829 году во время путешествія Пушкина на Кавказъ и въ Закавказье, и отрывокъ изъ первой главы, подъ заглавіемъ «Военная Грузинская дорога (Извлеченіе изъ путевыхъ записокъ А. С. Пушкина)» былъ напечатанъ въ 1830 году въ № 8 «Литературной Газеты».

Окончательно было приготовлено къ печати «Путешествіе въ Арзрумъ» только въ 1835 году, тогда же было представлено въ цензуру (16 сентября 1835) и напечатано въ первой книжкѣ Пушкинскаго «Современника». Чтеніе «Современника» и положено въ основу нашего текста.

Предисловіе.

Въ рукописи «Предисловія» (см. выше фототипическое воспроизведеніе ея) первая двѣ страницы и четыре строчки третьей перечеркнуты (слова, зачеркнутыя по-этомъ, заключаемъ въ прямыя скобки):

«Сіи записки, [будучи занимательны только для весьма немногихъ], никогда не были бы напечатаны, еслибъ къ тому не побудила меня особая причина. Прошу позволеніе объяснить ее, и для того войти въ подробности очень не важныя, ибо онѣ касаются одного меня.

Въ 1829 году отправился я на Кавказскія воды. Въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Тифлиса, мнѣ захотѣлось туда съѣздить для свиданія [съ братомъ и] съ нѣкоторыми изъ моихъ друзей. Приѣхавъ въ Тифлисъ я уже никого изъ нихъ не нашелъ. Армія выступила въ походъ. Желаніе видѣть войну и сторону мало извѣстную, побудило меня просить у Е. С. Графа Паскевича-Эриванскаго позволеніе приѣхать въ армію. Такимъ образомъ видѣлъ я блистательный походъ увѣнчанный взятіемъ Арзрума.

Журналисты какъ то о томъ провѣдали. Въ политической Газетѣ побранили меня не на шутку за то что что (sic!) по возвращеніи моемъ напечаталъ я стихотвореніе не относившееся ко взятію Арзрума. Зная что публика столь же мало заботится о моихъ путешествіяхъ, какъ и о требованіяхъ рецензентовъ, я не сталъ оправдываться. Но обвиненіе важнѣйшее заставляетъ меня прервать молчаніе».

Въ черновой рукописи (хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ) это мѣсто, выпущенное по-этомъ при печатаніи «Путешествія въ Арзрумъ», имѣетъ еще болѣе странную редакцію:

«Сіи записки, будучи занимательны только для немногихъ, никогда не были напечатаны, если бы къ тому не побудила меня особая причина: прошу позволенія объяснить ее, и для того войти въ подробности очень неважныя, ибо онѣ касаются одного меня.

Въ 1829 году отправился я на Кавказскія воды. Въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Тифлиса, мнѣ захотѣлось туда съѣздить для свиданія съ братомъ и нѣкоторыми изъ моихъ друзей. Приѣхавъ въ Тифлисъ, я уже никого изъ нихъ не нашелъ. Армія выступила въ походъ. Желаніе видѣть войну и сторону мало извѣст-

ную побудило меня просить у Е. С. Графа Паскевича-Эриванскаго позволенія приѣхать въ Армію. Такимъ образомъ видѣлъ я блистательный походъ, увѣнчанный взятіемъ Арзрума.

Журналисты какъ то о томъ провѣдали. Въ газетѣ (политической) побранили меня не на шутку за то, что по возвращеніи моемъ напечаталъ я стихотвореніе, не относившееся ко взятію Арзрума. Мы надѣялись, писалъ неизвѣстный рецензентъ, и проч. Одинъ изъ московскихъ журналовъ также поропталъ на Пѣ в у н о в ѣ, не воспѣвшихъ успѣхи нашего оружія.

Я, конечно, былъ обязанъ писать по заказу г.г. журналистовъ. Къ тому же частная жизнь писателя, какъ и всякаго гражданина, не подлежитъ обнародованію. Нельзя было бы, напримѣръ, напечатать въ газетахъ: Мы надѣялись, что г. прапорщикъ т а к о й - то возвратится изъ похода съ Георгіевскимъ крестомъ, вмѣсто того вывезъ онъ изъ Молдавіи одну лихорадку. Явно, что цензура этого не пропустила бы.

Зная, что публика столь же мало заботится о моихъ путешествіяхъ, какъ и о требованіяхъ рецензентовъ, я не сталъ оправдываться. Но важнѣйшее обвиненіе заставляеть меня прервать молчаніе».

Какъ мы знаемъ, Пушкинъ взялъ уже въ Петербургѣ подорожную въ Тифлисъ и имѣлъ намѣреніе побывать въ дѣйствующей арміи. Фраза его «Въ 1829 году отправился я на Кавказскія воды» и проч. повторяеть официальное объясненіе поѣздки, данное имъ графу А. Х. Бенкендорфу, «намылившему» ему голову за самовольную поѣздку въ Тифлисъ и въ дѣйствующую армію.

Воспроизводимая нами рукопись «Предисловія» даетъ нѣкоторыя отличія и отъ окончательнаго печатнаго текста:

Стр. 23, стр. 1. Пушкинъ далъ карандашное исправленіе слова «увѣнчанное» на «оконченное» — исправленіе, не принятое имъ въ окончательномъ чтеніи (и исправленіе, и возобновленіе прежняго чтенія понятны: слово «увѣнчанный» уже находилось въ началѣ предисловія, и потому Пушкинъ замѣнилъ его другимъ словомъ, но когда начало предисловія было отброшено, пропала нужда и въ этой замѣнѣ). Вся эта фраза въ рукописи первоначально имѣла другую разстановку словъ. «все это, увѣнчанное полнымъ успѣхомъ, можетъ быть въ глазахъ военныхъ людей, (каковы на примѣръ, Г. купеческій консуль Фонтанье, авторъ Путешествія на востокъ) и чрезвычайно достойно посмѣянія».

Особенно интересны, трепетно интересны колебанія Пушкина въ концѣ предисловія:

Человѣкъ [независимый], не имѣющій нужды въ [благодѣніяхъ и] покровительствѣ сильныхъ, [не долженъ-ли] дорожитъ] ихъ радушіемъ и гостепріимствомъ. ибо инаго отъ нихъ не можетъ и требовать. [?] Обвиненіе въ неблагодарности [касается до чести и] не должно быть оставлено безъ возраженія, какъ ничтожная критика или литературная брань.

«Предисловіе» было написано 3 апрѣля 1835 года, когда въ памяти Пушкина была еще свѣжа исторія съ его отставкой въ 1834 году, и когда онъ уже задумывалъ о новыхъ шагахъ (предпринятыхъ имъ 1 іюня 1835 года) для отвоеванія своей «независимости». Въ 1834 году онъ взялъ назадъ свое прошеніе объ отставкѣ только изъ-за упрека въ «неблагодарности», сдѣланнаго ему государемъ, и тогда же писалъ женѣ: «главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерализма». Въ зачеркнутыхъ словахъ «Предисловія» онъ выражается еще рѣзче и ярче выражаетъ свою мысль: «Обвиненіе въ неблагодарности касается до чести».

Стр. 17, стр. 14. «Братъ» автора — Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ — съ 1827 года былъ на военной службѣ (въ этомъ году онъ поступилъ юнкеромъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ); въ 1828 и 1829 г.г. онъ участвовалъ въ походѣ «подъ личнымъ начальствомъ генераль-фельдмаршала Паскевича», какъ о томъ говоритъ его формулярный списокъ; за участіе при взятіи штурмомъ крѣпости Карсъ Л. С. Пушкинъ

получилъ орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» и за участіе въ рекогносцировкѣ крѣпости Ахалцыхъ и разбитіе непріятельской кавалеріи орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», стр. 38).

Стр. 21, стр. 14. Пушкинъ имѣеть въ виду «Сѣверную Пчелу», которая писала въ 1830 году, при разборѣ VII-ой главы «Евгенія Онѣгина»: «Мы думали, что авторъ «Руслана и Людмилы» устремился на Кавказъ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзіи, обогатиться новыми впечатлѣніями и въ сладкихъ пѣсняхъ передать потомству великіе подвиги русскихъ современныхъ героевъ. Мы думали, что великія событія на востокѣ, удивившія міръ и стяжавшія Россіи уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, возбудятъ геній нашихъ поэтовъ: мы ошиблись! Лиры знаменитыя остались безмолвными, и въ пустынѣ нашей поэзіи опять явился Онѣгинъ, блѣдный, слабый»...

Стр. 25, стр. 9. А. С. Хомяковъ (1804 — 1860), поэтъ-славянофилъ, въ 1829 году былъ поручикомъ Принца Оранскаго Гусарскаго полка и состоялъ адъютантомъ генералъ-лейтенанта князя Мадатова. А. С. Хомяковъ въ 1829 году написалъ рядъ стихотвореній, связанныхъ съ его пребываніемъ въ Адрианополѣ (въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ) на 1830 годъ было помѣщено его «Прощаніе съ Адрианополемъ»).

Въ 1832 году въ рецензіи на книгу А. Н. Муравьева «Путешествіе къ св. мѣстамъ» Пушкинъ писалъ: «Во время переговоровъ среди торжествующаго нашего стана, въ виду смятеннаго Константинополя, одинъ молодой поэтъ думалъ о Іерусалимѣ, о св. храмѣ, нынѣ забытомъ христіанскою Европою для суетныхъ развалинъ Парѣнона и Ликейя. Ему представилась возможность исполнить давнее желаніе, любимую мечту отрочества. Г. Муравьевъ черезъ ген. Дибича получилъ дозволеніе посѣтить св. мѣста и отправился къ нимъ черезъ Константинополь и Александрію».

Въ черновикахъ Пушкина сохранился набросокъ плана путешествія:

18 іюня. Арзрумъ; карантинъ; обѣдъ у гр. Паскевича; харемъ; сабля...

Переходъ черезъ Кавказъ. Даріаль, Казбекъ, осетинцы. Поэтъ персидскій. Принцъ персидскій. Снѣговая гора. Грузія, Арагва... Тифлисъ. Арагатъ, граница Европы. Дорога до Карса. Карсъ. Лагерь гр. Паскевича. Перестрѣлка. Рекогносцировка. **Война.**

27 іюня. Арзрумъ. Дворецъ. Обратный путь.

(Соч. Пушкина, подъ редакціей П. А. Ефремова, 1903, т. V, стр. 227).

Изъ рукописей Пушкина былъ изъятъ П. В. Анненковымъ слѣдующій отрывокъ, не включенный въ «Путешествіе въ Арзрумъ»:

«Обѣ толпы сѣхались и обнялись на коняхъ, при свистѣ пуль, въ облакахъ дыма и пыли. Обмѣнявшись извѣстіями, они разстались и догнали насъ съ новыми прощальными выстрѣлами. «Какія вѣсти? спросилъ я у прискакавшаго ко мнѣ урядника, все ли въ домѣ благополучно?» — Слава Богу, отвѣчалъ онъ, старики мои живы, жена здорова. «А давно ли ты съ ними разстался?» — Да вотъ уже три года, хоть по положенію надлежало бы служить только годъ. «А скажи, прервалъ его молодой армейскій офицеръ, не родила ли у тебя жена во время отсутствія?» — Ребята говорятъ, что нѣтъ, отвѣчалъ веселый урядникъ. «А не б ла ли безъ тебя?» — Помаленьку, слышно, д а. «Что же, побьешь ли ты ее за это?» — А зачѣмъ ее бить? развѣ и я безгрѣшенъ? «Справедливо; а у тебя, братъ, спросилъ я другого казака, такъ ли честна хозяйка, какъ у урядника?» — Моя родила, отвѣчалъ онъ, стараясь скрыть свою досаду. «А кого Богъ далъ?» — Сына. «Что жъ, братъ, побьешь ее?» — Да посмотрю; коли на зиму сѣна припасла, такъ и прощу, коли нѣтъ — такъ побью. «И дѣло, подхватилъ товарищъ, побьешь ее, да и будешь горевать, какъ старикъ Черкасовъ; съ-молоду былъ онъ дюжъ и горячъ; случился съ нимъ тотъ-же грѣхъ, какъ съ тобой; поколотилъ онъ хозяйку такъ, что она послѣ того 30 лѣтъ жила калѣкой. Съ сыномъ его случилась та же бѣда. И тотъ было сталъ колотить молодицу, а старикъ то ему: «слушай, Иванъ,

оставь ее, посмотри на мать, и я съ-молоду поколотилъ ее за то же, да и жизни не радъ. «Такъ и ты, продолжалъ урядникъ, жену-то прости, а в а посылай чаще по дождю...» — Ладно, ладно, посмотримъ, отвѣчалъ казакъ. «А въ самомъ дѣлѣ, что ты сдѣлаешь съ в ъ?» — Да что съ нимъ дѣлать, корми, да отвѣчай за него, какъ за родного. «Сердить, шепнулъ мнѣ урядникъ, теперь жена не смѣй и показаться ему: прибьетъ до смерти». Это заставило меня размышлять о простотѣ казачьихъ нравовъ. «Какихъ лѣтъ у васъ женятся?» — Да лѣтъ 15-ти. — «Не слишкомъ ли рано? мужъ не сладить съ женой?» — Свекоръ, если добръ, такъ поможетъ.

«Изъялъ» изъ рукописи Пушкина одинъ отрывокъ якобы и А. Д. Комовскій и снялъ съ нея копию, какъ утверждалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1885) П. К. Мартыановъ, напечатавшій эту новую «страничку» Путешествія въ Арзрумъ. Мы не перепечатаваемъ этой странички о встрѣчѣ Пушкина съ А. А. Бестужевымъ-Марлинскимъ, въ виду очевидной ея апокрифичности: Бестужевъ писалъ Н. А. Полевому (въ 1833 году), что онъ «сломя голову скакалъ по утесамъ Кавказа» въ надеждѣ увидѣть Пушкина, но ему такъ и не удалось встрѣтиться.

Глава Первая.

Въ рукописи передъ первой главой стоитъ дата: «15 мая (1829). Георгіевскъ». Послѣ*** въ рукописи идетъ разсказъ о посѣщеніи А. П. Ермолова, выпущенный въ печати, можетъ быть, по цензурнымъ соображеніямъ:

«Онъ живетъ въ Орлѣ, близъ коего находится его деревня. Я приѣхалъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извозчикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего, простого, набожнаго старика, что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ я снова къ нему приѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенной своей любезностію. Съ перваго взгляда я не нашель въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно профилемъ. Лицо круглое, огненное, сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ. Голова тигра на геркулесовомъ торсѣ. Улыбка неприятная, потому что не естественна. Когда же онъ задумывается и хмурится, то онъ становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкесскомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шапки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ повидимому нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ и всегда язвительно. Говоря о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, передъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ гр. Эриванскаго графомъ Ерихонскимъ. Пускай нападетъ онъ, говорилъ Ермоловъ, на пашу не умнаго, не искуснаго, но только упрямаго, напимѣръ, на пашу, начальствовавшего въ Шумлѣ — и Паскевичъ пропалъ. Я передалъ Ермолову слова гр. Толстова, что умному человѣку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобъ отличиться отъ него. Ермоловъ засмѣялся, но не согласился. Можно было бы сберечь людей и издержки, сказалъ онъ. Думаю, что онъ пишетъ или хочетъ писать свои записки. Онъ недоволенъ Исторіей Карамзина; онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа изъ ничтожества къ славѣ и могуществу. О запискахъ кн. Курбскаго говорилъ онъ соп атоге. Нѣмцамъ досталось. Лѣтъ черезъ 50, сказалъ онъ, подумаютъ, что въ нынѣшнемъ походѣ была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводительствованная такими-то нѣмецкими генералами. — Я пробылъ у него часа 2. Ему было досадно, что онъ не помнилъ моего полнаго имени. Онъ извинился комплиментами. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говоритъ онъ, что отъ ихъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ не было ни слова». (Впервые напечатано Е. И. Якушкинымъ въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1859 года). О посѣщеніи Ермолова Пушкинъ пи-

салъ барону А. А. Дельвигу изъ Тифлиса (въ концѣ мая — въ началѣ іюня 1829 — въ единственномъ письмѣ, дошедшемъ до насъ отъ путешествія Пушкина -- и то въ черновикѣ):

«Путешествіе мое было довольно скучно. Начать съ того, что я поѣхалъ на Орелъ... и видѣлъ Ермолова. Хоть ты его не очень жалуешь, принужденъ тебѣ сказать, что я нашелъ въ немъ разительное сходство съ тобою, не только въ оборотѣ мыслей, но даже въ чертахъ лица и въ ихъ выраженіи. Онъ былъ до крайности любезенъ. Дорога черезъ Кавказъ скверная и тѣсная... днемъ я тянулся шагомъ съ конвоемъ пѣхоты и каждый день ночлеги... За то видѣлъ Казбекъ, Терекъ, которые стоятъ Ермоловскихъ... Теперь прѣю въ Тифлисъ, ожидая разрѣшенія гр. Паскевича».

Стр. 27, стр. 6. Въ рукописи вмѣсто трехъ звѣздочекъ: «харьковский университетъ, который не стоитъ курской ресторации».

Стр. 27, стр. 9. Въ рукописи послѣ словъ «пятидесяти верстѣ» слѣдуетъ: «Смотря на маневры ямщиковъ, я со скуки пародировалъ американца Купера въ его описаніяхъ морскихъ эволюцій».

Стр. 27, стр. 10. Пушкинъ — графъ Владиміръ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ. Въ рукописи дается описаніе брички графа Пушкина: «Я сердечно ему обрадовался, и мы согласились путешествовать вмѣстѣ. Онъ ѣдетъ въ огромной бричкѣ. Это родъ укрѣпленнаго мѣстечка; мы ее прозвали О т р а д н о ю. Въ сѣверной ея части хранятся вина и сѣстные припасы; въ южной — книги, мундиры, шляпы etc.etc. Съ западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станціи выгружается часть сѣверныхъ запасовъ, и такимъ образомъ мы проводимъ время какъ нельзя лучше».

Стр. 28, стр. 1. Эпизодъ съ калмычкою въ рукописи переданъ иначе: «...Въ кибиткѣ я нашелъ цѣлое калмыцкое семейство; котелъ варился по срединѣ и дымъ выходилъ въ верхнее отверстіе. — Молодая калмычка, собой очень недурная, шила, куря табакъ. Лицо смуглое, темнорумяное — багровыя губки, зубы жемчужные. За мѣчу, что порода калмыковъ начинаетъ измѣняться — и первобытныя черты ихъ лица мало по малу исчезаютъ. Я сѣлъ подлѣ нея. — Какъ тебя зовутъ? — *** — Сколько тебѣ лѣтъ? Десять и восемь. — Что ты шьешь? — Портка. — Кому? Себя. Поцалуй меня. — Неможна, стыдно. — Голось ея былъ чрезвычайно пріятенъ. Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать со всѣмъ своимъ семействомъ. Въ котлѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью. (Не думаю, чтобы кухня какого бы то ни было народу могла произвести что нибудь гаже). Она предложила мнѣ свой ковшикъ — и я не имѣлъ силы отказаться — я хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Я просилъ заѣсть чѣмъ-нибудь, мнѣ подали кусочекъ сушеной кобылятины. И я съ большимъ удовольствіемъ проглотилъ его. Послѣ сего подвига я думалъ, что имѣю право на нѣкоторое вознагражденіе. Но моя гордая красавица ударила меня балалайкой по головѣ, мусикійскимъ орудіемъ, подобнымъ нашей бал. Калмыцкая любезность мнѣ надоѣла, я выбрался изъ кибитки и поѣхалъ далѣе. — Вотъ къ ней посланіе, которое, вѣроятно, никогда до нея не дойдетъ. — — —»

Пушкинъ не выписалъ здѣсь своего стихотворенія «Калмычкѣ» (см. предисловіе Сергѣя Лифаря).

Стр. 28, стр. 14. О горахъ-облакахъ Пушкинъ дѣйствительно писалъ девять лѣтъ тому назадъ (24 сентября 1820) брату: «Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными...»

Стр. 28, стр. 33. А. Раевскій — старшій сынъ генерала Н. Н. Раевского — Александръ Николаевичъ Раевскій, «демонъ» Пушкина, въ 1820 году имѣлъ большое вліяніе на поэта.

Стр. 28, стр. 38. Въ рукописи передъ этимъ абзацемъ имѣется дата: «Мая 22. Владикавказъ».

Стр. 29, стр. 20. Высочайшая цензура не пропустила «заржавѣвшихъ» пушекъ и «обрушеннаго» вала.

Стр. 29, стр. 33. Въ рукописи это мѣсто читается иначе: «Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался на то мѣсто, гдѣ уже не раздается голосъ муллы. Тамъ нашель я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ проѣзжими офицерами. Суета суеть! Гр. П(ушкинъ) послѣдовалъ за мною. Онъ начерталь на кирпичѣ имя ему любезное, имя своей жены — счастливецъ — а я свое.

Любите самого себя,
Любезный, милый мой читатель».

Воскличаніе «счастливецъ»! объясняется тѣмъ, что въ это время Пушкинъ мечталъ быть тоже женатымъ — на Н. Н. Гончаровой.

«Вблизи развалинъ Татаргуба» Пушкинъ избралъ мѣсто дѣйствія своей поэмы «Гасубъ».

Стр. 29, стр. 37. См. предисловіе Сергѣя Лифаря.

Стр. 30, стр. 28. Послѣ слова «Евангелія» въ рукописи слѣдуетъ большой отрывокъ: «но объ этомъ средствѣ Россія донинѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ нею не совмѣстимо? Развѣ истина дана намъ для того, чтобъ скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ до нынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азии и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ? — Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ словъ живаго, вырѣзывать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестятъ велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многие, сблизая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадется». Этотъ отрывокъ не попалъ ни въ «Литературную Газету», ни въ «Современникъ» по цензурнымъ соображеніямъ — по указанію графа А. Х. Бенкендорфа, цензировавшаго «Военную Грузинскую дорогу».

Стр. 30, стр. 36. Сравн. въ «Гасубѣ».

Въ текстѣ «Путешествія» Пушкинъ говоритъ, что никто не могъ объяснить ему этихъ обрядовъ; въ «Гасубѣ» онъ даетъ свое объясненіе ихъ.

Стр. 31, стр. 14. Разсказъ о содержаніи въ крѣпости анаматовъ былъ исключенъ высочайшей цензурой, когда Пушкинъ представлялъ свой отрывокъ для напечатанія въ «Литературной Газетѣ».

Стр. 31, стр. 18. Сравнить въ черновикахъ путешествія Онѣгина:

И вотъ конвоемъ окруженъ
Во слѣдъ за пушкою степною
Въ предвѣрьи горъ, въ ихъ мрачный кругъ...
Онъ видитъ Терекъ разъяренный —
Трясетъ и точитъ берега...
Обвалы сыплются и блещутъ
Вдоль скалъ прямыхъ потоки хлещатъ
Межъ горъ межъ [двухъ высокихъ] стѣнъ

Идетъ ущеліе — стѣсненъ
 Опасный путь все уже-уже —
 Вверху чуть видны небеса
 Природы мрачная краса
 Вездѣ являетъ дикость ту же...
 Во время оное бывое!
 [Въ тѣ дни ты звалъ меня] Кавказъ
 Въ свое святилище глухое
 Ты [призывалъ] меня неразъ...
 И Терека свирѣпый ревъ...

Тѣснота ущелій вообще часто повторяется въ черновикахъ 1829 года.

Стр. 31, стр. 28. Шернваль — графъ Эмилій Карловичъ Шернваль — братъ красавицы Авроры Карловны Шернваль-Демидовой-Карамзиной, которой Боратынскій въ 1824 году посвятилъ стихотвореніе: «Дѣвушкѣ, которой имя было: Аврора».

Стр. 31, стр. 29. Стихъ изъ «Водопада» Державина:

И ты, о водопадовъ мать!
 Рѣка на сѣверѣ гремяща,
 О Суна! коль съ высотъ блистать
 Ты можешь, — и отъ зарь горяща,
 Кипишь и сѣешься дождемъ
 Сафирнымъ, пурпурнымъ огнемъ...

Стр. 32, стр. 5. Стихъ взятъ изъ перевода Н. И. Гнѣдича «Иліады».

Стр. 32, стр. 6. Вскорѣ послѣ написанія «Кавказскаго Плѣнника» Пушкинъ очень рѣзко судилъ свою первую поэму байронической формы, находя, что «характеръ Плѣнника неудаченъ» и что «простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтеніе, описаніе нравовъ черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что, какъ географическая статья или отчетъ путешественника» («но признаюсь, писалъ онъ тогда же, люблю его, самъ не зная за что: въ немъ есть стихи моего сердца»). Сознаніе того, что «Кавказскій Плѣнникъ» оказался неудачнымъ (особенно въ изображеніи главнаго героя), заставило Пушкина вновь обратиться къ той задачѣ, которую онъ себѣ поставилъ въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» — «изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX вѣка», нарисовать «современнаго человѣка», «съ его безнравственной душой, себялюбивой и сухой, мечтанью преданной безмѣрно, съ его озлобленнымъ умомъ, кипящимъ въ дѣйствиіи пустомъ», — и въ 1823 году онъ началъ «Евгенія Онѣгина». Въ 1829 году Пушкинъ заканчивалъ свой романъ — трудъ многихъ лѣтъ — и, перечитывая «Кавказскаго Плѣнника», не могъ не увидѣть, что въ его кавказской поэмѣ были уже вѣрно намѣчены тѣ линіи, по которымъ развивался характеръ Евгенія Онѣгина и его романъ съ Татьяной (иногда до мельчайшихъ деталей: проповѣдь-исповѣдь плѣнника черкешенкѣ мѣстами совпадаетъ съ проповѣдь-исповѣдь Онѣгина Татьянѣ, позднее обращеніе героя къ героинѣ — «Все понялъ онъ...» и т. д., и т. д.); угадана была, въ извѣстной степени, и та кавказская природа, которую Пушкинъ увидѣлъ только въ 1829 году и которая должна была служить фономъ «Кавказскаго Плѣнника»...

Стр. 33, стр. 12. Въ 1824 году Пушкинъ описывалъ барону А. А. Дельвигу свое путешествіе въ Крымъ: «Изъ Феодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ. Луны не было, звѣзды блистали; передо мною, въ туманѣ, тянулись полуденныя горы... «Вотъ Чатырдагъ» сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ»...

Стр. 33, стр. 34. Чиляевъ — майоръ Борисъ Чиляевъ въ 1829 году управлялъ горскими народами въ районѣ Военно-Грузинской дороги.

Стр. 34, стр. 6. Огаревъ — подполковникъ Николай Гавриловичъ Огаревъ, командиръ піонерной роты.

Стр. 34, стр. 7. Не только эта картина обвала, но и случай съ прежнимъ обваломъ («отголь сорвался разъ обваль») переданы въ стихотвореніи «Обваль», написанномъ въ Малинникахъ 29 октября 1829 года.

Стр. 35, стр. 36. Ринальдо-Ринальдини — герой знаменитаго романа «Ринальдо Ринальдини, атаманъ разбойниковъ» Хр. Вульфюуса (напечатанъ впервые въ 1797 году).

Стр. 36, стр. 9. Пушкинъ пріѣхалъ въ Тифлисъ 27 мая и оставался тамъ до 10 іюня. О пріѣздѣ поэта въ Тифлисъ было сообщено съ большимъ опозданіемъ (28 іюня) «Тифлисскими Вѣдомостями»: «Надежды наши исполнились: Пушкинъ посѣтилъ Грузію. Онъ не долго былъ въ Тифлисъ: желая видѣть войну, онъ испросилъ дозволеніе находиться въ походѣ при дѣйствующихъ войскахъ и 16 іюня прибылъ въ лагерь при Исканъ-Су. Первокласный поэтъ нашъ пребываніе свое въ разныхъ краяхъ Россіи означилъ произведеніями славнаго его пера: съ Кавказа далъ онъ намъ «Кавказскаго Плѣнника», въ Крыму написалъ «Бахчисарайскій Фонтанъ», въ Бессарабіи — «Цыганъ», во внутреннихъ провинціяхъ писалъ онъ прелестныя картины Онѣгина. Теперь читающая публика наша соединяетъ самыя пріятныя надежды съ пребываніемъ А. Пушкина въ станѣ кавказскихъ войскъ и вопрошаетъ: чѣмъ любимый поэтъ нашъ, свидѣтель кровавыхъ битвъ, подаритъ насъ изъ стана военнаго? Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихіи моря, мы просимъ судьбу сохранить нашего поэта среди ужасовъ брани».

Глава Вторая.

Стр. 37—38. Булгаринъ въ «Сѣверной Пчелѣ» 1836 года въ статьѣ, посвященной первой книжкѣ «Современника», иронизировалъ по поводу описанія Тифлисскихъ бань: «Есть ли что-нибудь... въ «Путешествіи въ Арзрумъ»? Виденъ ли тутъ поэтъ съ пламеннымъ восторгомъ, съ сильною душою? Гдѣ геніальные взгляды, гдѣ дивныя картины, гдѣ пламень? И въ какую пору былъ авторъ въ этой чудной странѣ! Во время знаменательнаго похода! Кавказъ, Азія и война! Ужъ въ этихъ трехъ словахъ есть поэзія, а «Путешествіе въ Арзрумъ» есть не что иное, какъ холодныя записки, въ которыхъ нѣтъ и слѣда поэзіи. Новаго здѣсь — извѣстія о тифлисскихъ баняхъ; но люди, бывшіе въ Тифлисъ, говорятъ, что и это не вѣрно».

Пушкинъ любилъ бани и недаромъ въ письмѣ къ женѣ называлъ баню нашей второй матерью: «Русскій человекъ въ дорогѣ не переодѣвается и, доѣхавъ до мѣста свинья-свиньей, идетъ въ баню, которая — наша вторая мать. Ты развѣ некрещеная, что всего этого не знаешь?»

Стр. 38, стр. 26. Раевскій — генералъ Николай Николаевичъ Раевскій, младшій сынъ героя Отечественной войны — генерала-отъ-кавалеріи Н. Н. Раевского, подружился съ Пушкинымъ еще въ 1816 году въ Царскомъ Селѣ, гдѣ онъ стоялъ съ гвардейскимъ гусарскимъ полкомъ. Передъ ссылкой Пушкина на Кавказъ Н. Н. Раевскій оказалъ поэту «вѣчно незабвенныя» услуги, о которыхъ Пушкинъ хранилъ благодарную память всю жизнь.

Благодаря Н. Н. Раевскому, разыскавшему своего больного горячкой друга въ Екатеринославѣ, Пушкинъ могъ совершить свое путешествіе на Кавказъ и въ Крымъ (въ 1820 году). Пушкинъ не только сердцемъ любилъ Н. Н. Раевского, но и считалъ его компетентнымъ литературнымъ судьей и совѣтовался съ нимъ по поводу своихъ произведеній (въ частности, письма Пушкина о «Борисѣ Годуновѣ» обращены къ Н. Н. Раевскому). Послѣдній побуждалъ поэта стремиться къ простотѣ и естественности, къ тому, чтобы «свести поэзію съ ея ходуль».

Стр. 39, стр. 39. Выраженіе «только вождельный» взято изъ сатиры А. Нахимова:

О чинъ ассесорскій, только вождельный!

Стр. 40, стр. 2. Генералъ Сипягинъ — Тифлисскій военный губернаторъ, генералъ-адъютантъ Николай Мартыановичъ Сипягинъ умеръ въ Тифлисъ 10 октября 1828 года.

Стр. 40, стр. 18. Генералъ Стрекаловъ — Тифлисскій военный губернаторъ (съ 1828 года), генералъ-адъютантъ Степанъ Степановичъ Стрекаловъ.

Стр. 41, стр. 26. А. С. Грибоѣдовъ былъ убитъ въ Тегеранѣ 30 января 1829 года. Занимаясь въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, я нашелъ интересное донесеніе французскаго консула въ Тифлисѣ г. Гамба отъ 13 марта 1829 (привожу изъ него извлеченія въ переводѣ):

«Въ настоящее время всѣ согласны, если не по поводу главной причины возстанія, то, по крайней мѣрѣ, о важнѣйшихъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали его. Г. Грибоѣдовъ, говорятъ, много разъ требовалъ отъ Шаха Персидскаго двухъ армянокъ, похищенныхъ изъ Карабага во время вторженія персовъ и содержащихся въ гаремѣ большого вельможи. Согласно договору, ихъ не могли принудить вернуться въ Россію, но онѣ имѣли право отправиться туда по своему желанію. Приведенныя къ Грибоѣдову, онѣ дали ему свое согласіе на это и были помѣщены въ одной изъ комнатъ дворца, который онѣ занималъ въ Тегеранѣ. Потому ли, что это согласіе не было настоящимъ, или, по другимъ версіямъ, вслѣдствіе негодованія, которое онѣ испытали изъ-за прибытія въ ихъ комнату публичной дѣвки, приведенной безъ вѣдома посланника однимъ изъ его служащихъ, онѣ, какъ говорятъ, вошли на терассу и позвали персовъ на помощь. Скоро толпа собралась вокругъ дворца, занятаго Посольствомъ, и увеличенная многочисленными мусульманами, возвращавшимися съ молитвы, намѣревалась насильственно проникнуть во дворецъ. Г. Грибоѣдовъ, немедленно разбуженный, не замедлил явиться и употребилъ всѣ средства убѣжденія, чтобы успокоить разъяренную чернь; когда всѣ усилія его оказались тщетными, казаки его охраны и тридцать персидскихъ солдатъ, которыхъ ему далъ шахъ для его безопасности, начали исполнять свой долгъ и отражать нападавшихъ; скоро раздались ружейные выстрѣлы, и нѣсколько человекъ изъ народа были убиты: на это отвѣчали ударами кинжала, и черезъ короткое время все Посольство полностью, въ количествѣ сорока лицъ, было вырѣзано. Г. Мальцевъ, первый секретарь Посольства, тяжело раненый, переводчикъ и слуга — вотъ всѣ, кто могъ спастись.

Изъ солдатъ персидской гвардіи семь было убито и другіе двадцать три были ранены.

Всѣ согласно говорятъ, что какъ только Шахъ получилъ извѣстіе объ этомъ событіи, онѣ поторопился послать на помощь миссіи одного изъ своихъ сыновей съ тремя тысячами людей. Къ несчастью, къ моменту ихъ прибытія преступленіе уже почти было завершено. Въ этомъ дѣлѣ было убито большое число персовъ. Г. Грибоѣдовъ, погибшій такимъ жестокимъ образомъ, былъ очень умный человекъ и выдѣлялся, какъ ориенталистъ и какъ литераторъ; онѣ прекрасно зналъ Персію и въ отношеніи людей и въ отношеніи вещей; его смерть, которая возбудила здѣсь самую глубокія сожалѣнія, есть настоящая потеря для Россіи.

Онѣ оставилъ беременной молодую семнадцатилѣтнюю грузинскую княжну, на которой недавно женился...»

Въ біографіяхъ Грибоѣдова (въ томъ числѣ, и Н. К. Пиксанова въ академическомъ изданіи) ни слова не говорится о роли «одного изъ служащихъ», о которомъ говорить французскій консулъ; но косвенное подтвержденіе этому разсказу мы находимъ въ «Дневникѣ» А. Н. Вульфа.

Стр. 42, стр. 12. Пушкинъ познакомился съ комедіей Грибоѣдова въ концѣ января 1825 г. — ему привезъ въ Михайловское списокъ комедіи И. И. Пущинъ. Пушкинъ тогда же писалъ князю Вяземскому (28 января 1825): «Читалъ я Чацкаго — много ума и смѣшнаго въ стихахъ но во всей комедіи ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкій совсѣмъ не умный человекъ — но Грибоѣдовъ очень уменъ». Подробнѣе онѣ описалъ свое первое впечатлѣніе отъ «Горя отъ ума» въ письмѣ къ А. А. Бестужеву: «Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онѣ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить.

Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имѣ самимъ надѣ собою признаннымъ. Слѣдств. не осуждаю ни плана, ни завяски, ни флиличій комедіи

Грибоѣдова. Цѣль его — характеры, и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отноше-
ніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то [. . . .],
не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ; не нужно ли было
сдѣлать изъ него и труса? старая пружина — но штатской трусь въ большомъ
свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. *Les propos de*
bal, сплетни, разказъ Репетилова о клобѣ, Загорейей всѣми отъявленный и вездѣ
принятый — вотъ черты истинно комическаго гениа. — Теперь вопросъ: въ комедіи
Горе отъ ума кто умное дѣйств. лицо? отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь-ли что та-
кое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малой, проведеншій нѣсколько времени
съ очень умнымъ челоѣкомъ (имянно съ Грибоѣдовымъ) и напавшійся его мыс-
лями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все что говоритъ онъ — очень ум-
но. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ
бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго челоѣка
— съ перваго взгляду знать съ кѣмъ имѣешь дѣло и не метать бисера передъ Ре-
петиловыми и тому подобн.¹⁾ Къ стати что такое Репетиловъ? Въ немъ 2, 3, 10
характеровъ. За чѣмъ дѣлать его гадкимъ? довольно что онъ вѣтренъ и глупъ
съ такимъ простодушіемъ; довольно чтобъ онъ признавался поминутно въ своей
глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смиреніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть ко-
му изъ насъ не случалось к о н ф у з и т ь с я, слушая ему подобныхъ кающихся?
— Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи — недовѣрчивость
Чацкаго въ любви Софій къ Молч. прелестна! — и какъ натурально! Вотъ на чемъ
должна была вертѣться вся комедія — но Грибоѣдовъ видно не захотѣлъ — его
воля. — О стихахъ я не говорю: половина — должны войти въ поговорку.

Покажи это Грибоѣдову — Можетъ быть я въ иномъ ошибся. Слушая его ко-
медію я не критиковалъ а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову по-
слѣ, когда ужъ не могъ я справиться. По крайнѣй мѣрѣ говорю прямо, безъ оби-
няковъ, какъ истинному таланту».

Стр. 42, стр. 30. Бутурлинъ — графъ Николай Александровичъ Бутурлинъ, адъютантъ
военнаго министра.

Стр. 44, стр. 40. Пушкинъ пріѣхалъ въ Карсъ 12 іюня.

Стр. 45, стр. 27. Въ рукописи послѣ слова «за лошадами» слѣдуетъ: «Онъ явил-
ся вмѣстѣ съ офицеромъ, который потребовалъ отъ меня письменнаго предписанія.
Судя по азіатскимъ чертамъ его лица, не почелъ я за нужное рыться въ моихъ бу-
магахъ, и вынулъ изъ кармана первый попавшійся мнѣ листокъ. Офицеръ, важно
его разсмотрѣвъ, тотчасъ велѣлъ привести его благородію лошадей по предписа-
нію и возвратилъ мнѣ мою бумагу: это было посланіе къ калмычкѣ, написанное
мною на одной изъ кавказскихъ станцій».

Глава Третія.

Стр. 46, стр. 15. Вольховскій — Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій (1798-1841), лицей-
скій товарищъ Пушкина, первый и всѣми любимый ученикъ. Въ Лицейской пѣснѣ о
немъ говорилось:

Покровительствомъ Минервы
Пусть Вольховскій будетъ первымъ.

В. Д. Вольховскій былъ начальникомъ штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.
Стр. 46, стр. 17. Михаилъ Пуцинъ — Михаилъ Ивановичъ Пуцинъ, братъ ли-
цейскаго товарища Пушкина И. И. Пуцина, принималъ участіе въ декабрьскомъ
возстаніи, былъ разжалованъ въ рядовые (въ 1825 году онъ, въ чинѣ капитана, ко-
мандовалъ гвардейскимъ конно-піонернымъ эскадрономъ) и сперва былъ сосланъ
въ Сибирь, а затѣмъ переведенъ на Кавказъ (впослѣдствіи онъ вернулся въ Рос-

¹⁾ Сіѣоп Грессеговъ не умничаеъ съ Жеронтомъ ни съ Хлоей.

сію и, въ чинѣ генераль-майора, умеръ комендантомъ Бобруйской крѣпости въ 1869 году). М. И. Пущинъ оставилъ интересную записку о «Встрѣчѣ съ А. С. Пушкина за Кавказомъ», которой мы неоднократно будемъ пользоваться.

«Однажды, уже въ іюнѣ мѣсяцѣ, пишетъ М. И. Пущинъ, возвращаясь изъ разъѣзда... я сошелъ съ лошади прямо въ палатку Николая Раевского... Не могу описать моего удивленія и радости, когда тутъ А. С. Пушкинъ бросился меня цѣловать, и первый его вопросъ былъ: «Ну, скажи, Пущинъ: гдѣ турки и увижу ли я ихъ; я говорю о тѣхъ туркахъ, которые бросаются съ крикомъ и оружіемъ въ рукахъ. Дай пожалуйста мнѣ видѣть то, за чѣмъ сюда съ такими препятствіями пріѣхалъ!» «Могу тебя порадовать: турки не замедлятъ представиться тебѣ на смотръ; полагаю даже, что они сегодня вызовутъ насъ изъ нашего бездѣйствія; если же они не атакуютъ насъ, то я съ Бурцовымъ завтра непременно постараюсь заставить ихъ бросить свою позицію, съ фронта неприступную, движеніемъ обходнымъ, планъ котораго отсюда же поне-су къ Паскевичу, когда онъ проснется».

Живые разговоры съ Пушкинымъ, Раевскимъ и Сакеномъ (начальникомъ штаба, вошедшимъ въ палатку, когда узналъ, что я возвратился), за стаканами чая, приготовили насъ встрѣтить турокъ грудью. Пушкинъ радовался какъ ребенокъ тому ощущенію, которое его ожидаетъ. Я просилъ его не отдѣляться отъ меня при встрѣчѣ съ непріятелемъ, обѣщаль ему быть тамъ, гдѣ болѣе опасности, между тѣмъ какъ не желалъ бы его видѣть ни раненымъ, ни убитымъ. Раевскій не хотѣлъ его отпускать отъ себя, а самъ на этотъ разъ, по своему высокому положенію, хотѣлъ держать себя какъ можно дальше отъ выстрѣла турецкаго, особенно же отъ ихъ сабли или курдинской пики, — Пушкину же мое предложеніе болѣе улыбалось. Въ это время вошелъ Семичевъ (маіоръ Нижегородскаго драгунскаго полка, сосланный на Кавказъ изъ Ахтырскаго гусарскаго полка) и предложилъ Пушкину находиться при немъ, когда онъ выѣдетъ впередъ съ фланкерами полка. На чемъ Пушкинъ остановился — не знаю, потому что меня позвали къ главнокомандующему...

По сказанному какъ по писанному. Еще мы не кончили обѣда у Раевского съ Пушкинымъ, его братомъ Львомъ и Семичевымъ, какъ пришли сказать, что непріятель показался у аванпостовъ. Всѣ мы бросились къ лошадямъ, съ утра осѣдланымъ. Не успѣлъ я выѣхать, какъ уже попалъ въ схватку казаковъ съ наѣзниками турецкими, и тутъ же встрѣчаю Семичева, который спрашиваетъ меня: не видѣлъ ли я Пушкина? вмѣстѣ съ нимъ мы поскакали его искать и нашли отдѣлившіеся отъ фланкирующихъ драгунъ и скачущаго съ саблею на-голо, противъ турокъ, на него летящихъ. Приближеніе наше, а за нами уланы съ Юзефовичемъ, скакавшимъ насъ выручать, заставило турокъ въ этомъ пунктѣ удалиться, — и Пушкину не удалось попробовать своей сабли надъ турецкой башкой, и онъ, хотя съ неудовольствіемъ, но насъ болѣе не покидалъ, тѣмъ болѣе, что нападеніе турокъ со всѣхъ сторонъ было отражено, и кавалерія наша, преслѣдовавъ ихъ до самого укрѣпленнаго ихъ лагеря, возвратилась на прежнюю позицію до наступленія ночи.

Быстрое отраженіе Гапки-паши, съ незначительною потерей нѣсколькихъ казаковъ убитыхъ и раненыхъ, вывело главнокомандующаго изъ бездѣйствія, всѣхъ сердившаго. Мы стали подвигаться впередъ, но съ большою осторожностію. Черезъ нѣсколько дней, въ ночномъ своемъ разъѣздѣ, я наткнулся на все войско сераскира, выступившее изъ Гассанъ-Кале намъ на встрѣчу. По сообщеніи извѣстія объ этомъ Пушкину, въ немъ разыгралась африканская кровь, и онъ сталъ прыгать и бить въ ладоши, говоря, что на этотъ разъ онъ непременно схватится съ туркомъ; но схватиться ему опять не удалось, потому что онъ не могъ изъ вѣжливости оставить Паскевича, который не хотѣлъ его отпускать отъ себя не только во время сраженія, но на привалахъ, въ лагерѣ, и вообще всегда, на всѣхъ гѣросъ и въ свободное отъ занятій время, за нимъ посылалъ и порядочно — по словамъ Пушкина — ему надоѣлъ. Правду сказать, со всѣмъ желаніемъ Пушкина убить или побить турка, ему уже на то не было возможности, потому что непріятель уже

болѣ насъ не атаковалъ, а вездѣ, до самой сдачи Арзерума, безъ оглядки бѣжалъ, и всѣ сраженія, громкія въ реляціяхъ, были только преслѣдованія непріятели, который бросалъ на дорогѣ орудія, обозы, лагеря и отсталыхъ своихъ людей. Всегда, когда мы сходились съ Пушкинымъ у меня или Раевского, онъ бѣсился на турокъ, которые не хотятъ принимать столь желаннаго имъ сраженія...»

О перестрѣлкѣ 14 іюня рассказываетъ подробно генералъ Ушаковъ въ своей «Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ» (СПб. 1836, т. II, стр. 805): «Перестрѣлка 14-го іюня 1829 года замѣчательна потому, что въ ней участвовалъ славный поэтъ нашъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Онъ прибылъ къ нашему корпусу въ день выступленія на Саланлугъ и былъ обласканъ графомъ Эриванскимъ. Когда войска, совершивъ трудный переходъ, отдыхали въ долину Инжа-су, непріятель внезапно атаковалъ передовую цѣпь нашу, находившуюся подъ начальствомъ Басова. Поэтъ, въ первый разъ услышавъ около себя столь близкіе звуки войны, не могъ не уступить чувству энтузіазма. Въ поэтическомъ порывѣ онъ тотчасъ выскочилъ изъ ставки, сѣлъ на лошадь и мгновенно очутился на аванпостѣхъ. Опытный маіоръ Семичевъ, посланный генераломъ Раевскимъ вслѣдъ за поэтомъ, едва достигнулъ его и вывелъ насильно изъ передовой цѣпи казаковъ въ ту минуту, когда Пушкинъ, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схвативъ пику послѣ одного изъ убитыхъ казаковъ, устремился противу непріятельскихъ всадниковъ. Можно повѣрить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидѣвъ предъ собою незнакомаго героя въ круглой шляпѣ и въ буркѣ. Это былъ первый и послѣдній военный дебютъ любимца музъ на Кавказѣ». Стр. 47, стр. 16 и 32. Стихи взяты изъ одъ Горациі.

Стр. 47 стр. 21. Семичевъ — маіоръ Николай Николаевичъ Семичевъ, участникъ Отечественной войны, былъ замѣшанъ въ декабрьскомъ возстаніи, за что былъ переведенъ на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Въ 1829 году онъ командовалъ эскадрономъ. М. И. Пущинъ рассказываетъ о томъ, какъ Семичевъ вывелъ Пушкина изъ передовой цѣпи (см. выше). Въ слѣдующемъ году Семичевъ умеръ отъ холеры.

Стр. 49, стр. 2. Сравн. стих. Пушкина «Делибашъ», написанное 7 сентября 1829 года.

Глава Четвертая.

Стр. 52, стр. 13. Анрепъ — командиръ своднаго уланскаго полка, флигель-адъютантъ, полковникъ Романъ Романовичъ Анрепъ.

Стр. 52, стр. 26. Въ «Современникѣ» эта латинская фраза замѣнена многоточіемъ.

Стр. 54, стр. 35. Юзефовичъ — поэтъ М. В. Юзефовичъ рассказывалъ, будто Пушкинъ, послѣ пирушки у коменданта, написалъ мѣломъ на его дверяхъ стихи:

Не черкесь, не узбекъ,
Сѣдовласый Казбекъ —
Генералъ Скворцовъ
Угостилъ молодцовъ

Славно! и пр.

Глава Пятая.

Стр. 56, стр. 4. Гаджи-Баба или Хаджи-Баба — герой романа Моріера «Хаджи-Баба-Испагани въ Персіи и Турціи», вольно переведеннаго О. И. Сенковскимъ (переводъ его печатался въ «Сѣверной Пчелѣ»).

Стр. 56, стр. 13. Турнфоръ — извѣстный ботаникъ.

Стр. 57, стр. 25. Пушкинъ привелъ только первую половину поэмы вымышленнаго Аминь-Оглу.

Стр. 58, стр. 22. Сухоруковъ — сотникъ В. Д. Сухоруковъ, встрѣтается съ Пушкинымъ на Кавказѣ; рассказалъ ему о гоненіяхъ на него военнаго министра Чернышева и просилъ у Пушкина заступничества за него. Пушкинъ тогда же (въ іюлѣ

1829 года) составил записку, которую, по возвращении съ Кавказа, представил графу А. Х. Бенкендорфу. Въ своей запискѣ Пушкинъ писалъ:

«Сотникъ Сухоруковъ воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ. Въ 1820 году бывший атаманъ употребилъ его по своимъ дѣламъ, какъ челоуѣка свѣдущаго и смышленнаго. Въ то же время графъ Чернышовъ, имѣя нужду въ тамошнемъ уроженцѣ, призвалъ его въ свою канцелярію. Будучи еще очень молодъ и находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, Сухоруковъ могъ подать поводъ къ неудовольствію графа. Въ послѣдствіи времени литературныя занятія сблизили его съ Корниловичемъ, съ которымъ въ 1825 году издалъ онъ ученую книгу подъ заглавіемъ *Русская Старина*. Сухоруковъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ о заговорѣ, но слѣдственная комиссія оправдала его, оставивъ въ подозрѣніи. Будучи потомъ откомандированъ въ Кавказскій корпусъ, Сухоруковъ былъ употребленъ графомъ Паскевичемъ.

Сухоруковъ имѣеть отличныя дарованія и свѣдѣнія. Доказательствомъ тому служить то, что всѣ бывшіе его начальники принуждены были употреблять его, даже не доброжелательствующіе ему. Съ 1821 года предпринялъ онъ трудъ важный не только для Россіи, но и для всего ученаго свѣта.

Сухоруковъ имѣлъ нѣкогда порученіе отъ комитета, учрежденнаго для устройства Войска Донскаго, составить Исторію Донскихъ казаковъ. Для сего Сухоруковъ пересмотрѣлъ всѣ архивы присутственныхъ мѣстъ и станицъ Донской земли, также архивы: Азовской, Саратовской, Царицынской, Астраханской, наконецъ и Московской. Выписанные имъ историческіе акты заключають болѣе пяти тысячъ листовъ; кромѣ того Сухоруковъ приобрѣлъ множество разныхъ лѣтописей, повѣстей, поэмъ и проч., объемлющихъ Исторію Донскихъ казаковъ. — Всѣ сіи драгоценныя матеріалы вмѣстѣ со статьями, имъ уже составленными, Сухоруковъ долженъ былъ по приказанію генералъ-маіора Богдановича, уѣзжая въ армію, въ 1826 году передать въ другія руки и теперь они едва ли не растеряны.

Имѣя слабое здоровіе, склонность къ ученымъ трудамъ и малое, но достаточное для него состояніе (тысячу рублей годового дохода), Сухоруковъ сказывалъ мнѣ, что единственное желаніе его было бы дозволеніе (получить) хотя взять копии съ приобрѣтенныхъ имъ историческихъ матеріаловъ, на которое употребилъ онъ пять лѣтъ времени, и потомъ на свободѣ заняться составленіемъ Исторіи Донскихъ казаковъ, которую надѣялся онъ посвятить его императорскому высочеству великому князю наслѣднику».

Хлопоты Пушкина (если такія дѣйствительно были) имѣли обратныя послѣдствія: у Сухорукова былъ произведенъ обыскъ, при чемъ матеріалы его были забраны, а самъ онъ уволенъ со службы и высланъ съ Кавказа (умеръ В. Д. Сухоруковъ въ 1841 году въ Новочеркасскѣ).

Стр. 59, стр. 11. «Его скопили и» замѣнено въ «Современникѣ» многоточіемъ.

Стр. 60, стр. 23. Въ связи съ этими «чумными» впечатлѣніями можно поставить стихи Пушкина о Наполеонѣ въ «Героѣ» 1830 года. Замѣтимъ также, что въ томъ же 1830 году былъ написанъ «Пиръ во время чумы».

Стр. 61, стр. 21. Срвн. «Монастырь на Казбекѣ» (см. предисловіе Сергѣя Лифаря).

Стр. 61, стр. 30. Дороховъ — Руфимъ Ивановичъ Дороховъ. Л. Н. Майковъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ прототипѣ Толстовскаго Долохова: «сынъ партизана 1812 года, онъ былъ извѣстенъ своимъ неукротимымъ и буйнымъ нравомъ, изъ-за котораго имѣлъ нѣсколько дуэлей, нѣсколько столкновений со своими начальниками и нѣсколько разъ подвергался разжалованію въ рядовые; едва ли не большую часть своего служебнаго поприща провелъ онъ солдатомъ; онъ былъ убитъ 18-го января 1852 года въ Малой Чечнѣ, во время одного неудачнаго набѣга, при р. Гойтѣ».

О томъ, какъ нравился Пушкину Дороховъ, мы имѣемъ свидѣтельство въ запискѣ М. И. Пущина. Разсказавъ о томъ, какъ онъ принужденъ былъ разстаться съ Дороховымъ, вслѣдствіе того, что послѣдній нарушилъ свое обѣщаніе и прибилъ

денщика, Пушинъ продолжаетъ: «Во Владикавказѣ пришлось мнѣ ожидать нѣсколько дней казѣи. На канунъ того дня, какъ я долженъ былъ выѣхать вмѣстѣ съ отрядомъ, при орудіи, назначенномъ конвоировать собравшихся со мной путешественниковъ и обозы, неожиданно прибѣгаетъ ко мнѣ Пушкинъ, объявляя, что онъ меня догонялъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать на воды. Понятно, какъ я обрадовался такому товарищу. Послѣ первыхъ распросовъ другъ у друга Пушкинъ мнѣ объявляетъ, что у него есть до меня просьба, и впередъ проситъ не отказать въ исполненіи ея. Конечно, я порадовался чѣмъ-нибудь служить ему. Дѣло состояло въ томъ, чтобы я позволилъ Дорохову ѣхать вмѣстѣ съ нами, что Дороховъ проситъ у меня прощенья и позволяеть мнѣ прибить себя, если онъ кого-нибудь при мнѣ ударитъ. Долго я не хотѣлъ на это согласиться, увѣряя Пушкина, что Дороховъ по натурѣ своей не можетъ не драться. Пушкинъ все свое краснорѣчіе употреблялъ, чтобы меня уговорить согласиться на его просьбу, находя тѣму граціи въ Дороховѣ и много прелести въ его товариществѣ. Въ этомъ я былъ совершенно съ нимъ согласенъ и наконецъ согласился на убѣдительную его просьбу принять Дорохова въ наше товарищество. Пушкинъ побѣждалъ за Дороховымъ и привелъ его ко мнѣ съ повинною вытянутою фигурою, до того комическою, что мы съ Пушкинымъ расхотались, и я Дорохову на мировую протянулъ руку, но только позволилъ себѣ сдѣлать съ обоими новый уговоръ — во все время нашего слѣдованія въ товариществѣ до водъ въ карты между собою не играть. Скрѣпя сердце, оба дали мнѣ въ этомъ честное слово. Пушкинъ приказалъ притащить ко мнѣ свои и Дорохова вещи, и между прочимъ, ящикъ отличнаго рейнвейна, который ему Раевскій далъ на дорогу. Мы тутъ же распили нѣсколько бутылокъ».

О возвратномъ пути изъ Владикавказа и о пребываніи на Минеральныхъ водахъ М. И. Пушинъ рассказываетъ въ своей запискѣ:

«Все прекрасно обошлось во время медленнаго нашего слѣдованія отъ Владикавказа до Екатеринограда и оттуда до Горячеводска или Пятигорска. Ѣхали мы втроемъ въ коляскѣ; иногда Пушкинъ садился на казачью лошадь и ускакивалъ отъ отряда, отыскивая приключеній или встрѣчи съ горцами, встрѣтивъ которыхъ намѣревался, ускакивая отъ нихъ, навести ихъ на нашъ конвой и орудіе; но ни приключеній, ни горцевъ во всю дорогу онъ не нашелъ. Тяжело было обоимъ во время приваловъ и ночлеговъ: одинъ не смѣлъ бить своего денщика, а другой не смѣлъ заикнуться о картахъ, пытаюсь однако у меня нѣсколько разъ о сложеніи тягостнаго для него уговора. Одинъ рейнвейнъ услаждалъ общую нашу скуку, и въ ящикѣ немного его осталось, когда четверка лошадей уже не шагомъ, а рысью повезла насъ изъ Екатеринограда въ Пятигорскъ».

Въ Пятигорскѣ я не намѣренъ былъ оставаться; для раны моей мнѣ надлежало ѣхать прямо въ Кисловодскъ. Приѣхавши въ Пятигорскъ, я собрался сейчасъ же все осмотрѣть и приглашалъ съ собою Пушкина; но онъ отказался, говоря, что знаетъ тутъ все, какъ свои пальцы, что очень усталъ и желаетъ отдохнуть. Это уже было въ началѣ августа; мнѣ нужно было спѣшить къ Нарзану, и потому я объявилъ Пушкину, что на другой же день намѣренъ туда ѣхать, и если онъ со мной не поѣдетъ, то когда мнѣ его ожидать? «Могу тебѣ только то сказать, что не замедлю здѣсь лишняго дня; только завтра съ тобою ѣхать не въ состояніи: хочю здѣсь день-другой отдохнуть».

Получивши этотъ отвѣтъ Пушкина, я пошелъ осматривать источники, гулянья и городъ, что заняло меня на нѣсколько часовъ. Возвращаясь домой послѣ заката солнца къ вечернему чаю, нахожу Пушкина, играющаго въ банкъ съ Дороховымъ и офицеромъ Павловскаго полка Астафьевымъ. «*La glace est rompue*», говоритъ мнѣ Пушкинъ; — «довольно мы терпѣли, связанные словомъ, но вѣдь слово дано было до водъ; на водахъ мы выходимъ изъ-подъ твоей опеки, и потому не хочешь ли поставить карточку? Вотъ господинъ Астафьевъ мечетъ отвѣтныи». «Ты совершенно правъ, Пушкинъ. Слово было дано — не играть между собою до водъ; ты сдержалъ слово благородно, и мнѣ остается только удивляться твоему

милому и покладистому характеру». Пушкинъ въ этотъ вечеръ выигралъ нѣсколько червонцевъ; Дороховъ проигралъ, кажется, болѣе, чѣмъ желалъ проиграть; Астафьевъ и Пушкинъ кончили игру въ веселомъ расположеніи духа, а Дороховъ отошелъ угрюмый отъ стола.

Когда Астафьевъ ушелъ, я просилъ Пушкина рассказать мнѣ, какъ случилось, что, не будучи никогда знакомъ съ Астафьевымъ, я нашелъ его у себя съ нимъ играющимъ. «Очень просто», отвѣчалъ Пушкинъ; — «мы, какъ ты ушелъ, послали за картами и начали играть съ Дороховымъ; Астафьевъ, проходя мимо, зашелъ познакомиться; мы ему предложили поставить карточку, и оказалось, что онъ — добрый малый и любить въ карты поиграть». «Какъ бы я желалъ, Пушкинъ, чтобы ты поскорѣе пріѣхалъ въ Кисловодскъ и далъ мнѣ обѣщаніе съ Астафьевымъ въ карты не играть». «Нѣтъ, братъ, дудки! Обѣщанія не даю, Астафьева не боюсь и въ Кисловодскъ пріѣду скорѣй, чѣмъ ты думаешь». Но на повѣрку вышло не такъ: болѣе недѣли Пушкинъ и Дороховъ не являлись въ Кисловодскъ, наконецъ пріѣхали вмѣстѣ, оба продушіеся до копѣйки. Пушкинъ проигралъ тысячу червонцевъ, взятыхъ имъ на дорогу у Раевского. Пріѣхалъ ко мнѣ съ твердымъ намѣреніемъ вести жизнь правильную и много заниматься; приказалъ моему Кириллову приводить ему по утрамъ одну изъ лошадей моихъ и ѣздить кататься верхомъ (лошади мои паслись въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кисловодска). Мнѣ странно показалась эта новая прихоть; но скоро узналъ я, что въ Солдатской слободкѣ около Кисловодска поселился Астафьевъ, и Пушкинъ всякое утро къ нему заѣзжалъ. Ожидая, что изъ этого выйдетъ, я скрывалъ отъ Пушкина мои розысканія о немъ. Однажды, возвратившись съ прогулки, онъ высыпалъ при мнѣ нѣсколько червонцевъ на столъ. «Откуда, Пушкинъ, такое богатство?» «Долженъ тебѣ признаться, что я всякое утро заѣзжаю къ Астафьеву и довольствуюсь каждый разъ выигрышемъ у него нѣсколькихъ червонцевъ. Я его мелкимъ огнемъ бью, и вотъ сколько ужъ вытащилъ у него моихъ денегъ». Всего было имъ наиграно червонцевъ двѣнадцать. Долго бы пришлось Пушкину отыгрывать свои тысячу червонцевъ, еслибъ Астафьевъ не распустилъ скоро оставить Кисловодскъ.

Не смотря на намѣреніе свое много заниматься, Пушкинъ, живя со мною, мало чѣмъ занимался. Вообще мы вели жизнь разгульную, часто обѣдали у Шереметева, Петра Васильевича, жившаго съ нами въ домѣ Реброва. Шереметевъ кормилъ насъ отлично и къ обѣду своему собиралъ всегда довольно большое общество. Разумѣется, послѣ обѣда

...въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ.
И приписывали,
И отписывали
Мѣломъ.

Тутъ явилась замѣчательная личность, которая очень была привлекательна для Пушкина, сарапульскій городничій Дуровъ, братъ той Дуровой, которая служила въ какомъ-то гусарскомъ полку во время 1812 года, получила георгиевскій крестъ и послѣ не оставляла мужского платья, въ которомъ по наружности ея, рябой и мужественной, никто не могъ ее принять за дѣвицу. Цинизмъ Дурова восхищалъ и удивлялъ Пушкина; забота его была постоянная заставлять Дурова что-нибудь рассказывать изъ своихъ приключеній, которыя заставляли Пушкина хотеть отъ души; съ утра онъ отыскивалъ Дурова и поздно вечеромъ разставался съ нимъ.

Приближалось время отъѣзда; онъ условился съ нимъ ѣхать до Москвы; но ни у того, ни у другого не было денегъ на дорогу. Я снабдилъ ими Пушкина на путевыя издержки; Дуровъ пріютился къ нему. Изъ Новочеркаска Пушкинъ мнѣ писалъ, что Дуровъ оказался *chevalier d'industrie*, выигралъ у него пять тысячъ рублей, которые Пушкинъ досталъ у наказного атамана, и заплативши Дурову, въ

Новочеркасскъ съ нимъ разѣхался, поскакалъ одинъ въ Москву и, вѣроятно, съ Дуровымъ никогда болѣе не встрѣтится...»

Повидимому, память измѣнила М. И. Пушкину: по крайней мѣрѣ, въ своей статьѣ 1833 года о Дуровѣ (о его помѣшательствѣ на одномъ пунктѣ: достать сто тысячъ рублей), Пушкинъ пишетъ: «Я познакомился съ нимъ на Кавказѣ въ 1829 г., возвращаясь изъ Арзума. Онъ лечился отъ какой-то удивительной болѣзни, въ родѣ каталепсїи, и игралъ съ утра до ночи въ карты. Наконецъ онъ проигрался, и я довезъ его до Москвы въ моей коляскѣ».

Стр. 61, стр. 32 Пушкинъ имѣетъ въ виду статью Н. И. Надеждина въ «Вѣстникѣ Европы» 1829 года, въ которой Надеждинъ совершенно неприлично бранилъ «Полтаву».

Отпечатано въ количествѣ 200 экземпляровъ на бумагѣ Papeteries Navarre, «Phototype teinté», въ Типографіи «Cooperative Etoile», 17, Rue de la Comète, въ Парижѣ, подъ наблюденіемъ М. Г. Корнфельда. Обложка работы Р. М. Добужинскаго по образцу изданія Пушкина «Васола или Желаніе, повѣсть въ стихахъ, сочиненіе Виланды. Издалъ А. Пушкинъ. Санктпетербургъ 1835».

